

МАГИЯ ФЭНТЕЗИ

Елена КАРТУР

ПРОСНУТЬСЯ
ДРАКОНОМ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АЛЬФА-КНИГА

Annotation

В другие миры попадают по-разному: кого-то машина собьет, кто-то магический ритуал проведет. А что, если ты просто спишь и видишь сны о полетах? Ничего необычного, не правда ли? Только если не проснешься однажды в теле маленького дракончика размером с котенка...

А вокруг совершенно незнакомый мир, убийства, придворные интриги и хозяин-авантюрист. И ты – волшебный питомец, способный объясняться с людьми лишь жестами и опасющийся продемонстрировать свою разумность. Как приспособиться к новому телу и не сойти с ума? Как выжить в эпицентре опасной интриги и шпионских игр?

Елена Картур

Проснуться драконом

Глава 1

Сон, мне давно не снились такие потрясающие, похожие на реальность сны! Это было просто великолепно: я всегда мечтала летать и теперь, ощущая потоки воздуха, поддерживающие мои крылья, чувствуя, как этот же воздух ласкает тело, была готова кричать от восторга. Где-то внизу виднелись горы, с таких заоблачных высот их можно было рассмотреть почти целиком. Как и множество ярких разноцветных существ, похожих на меня, точно так же беззаботно и весело кувыркаящихся в воздухе, парящих на восходящих потоках. Они были прекрасны, и я тоже казалась себе просто великолепной – с чешуей изумительного ало-черного окраса и широкими кожистыми крыльями, черными у основания, переходящими в красное и на концах почти нежно-розовыми. Совсем недалеко от меня парил изумрудно-золотой самец, легко и изящно поворачиваясь в воздухе, подставляя солнцу золотистые бока.

Ниже играли в салочки два оранжевых, как апельсин, дракончика, кажется, мы с ними из одного гнезда, но я в этом не уверена. Ведь это всего лишь сон, хоть и невероятно правдоподобный, красочный. Прежде я и не подозревала, что бывают такие сны, в которых можно чувствовать прикосновение воздуха к телу, запах ветра и нагретого камня. Не говоря уж о том, чтобы ощущать драконье тело так хорошо, словно оно твое собственное. Очень гибкое и ловкое тело, настолько, что я могла в воздухе свернуться в кольцо, успеть развернуться в падении и поймать воздушный поток крыльями.

Оранжевые дракончики продолжали дурачиться на маленькой высоте, эту малышню мое нынешнее «я» воспринимало как братьев. Изумрудно-золотой дракон, издав мелодичную трель, полетел навстречу приближающейся ало-серебристой дракончке. Я, крутнувшись вокруг своей оси, направила в сторону от гор, желая рассмотреть чудесный, навеянный сном мир, пока есть такая возможность. Ведь утром я проснусь и, вероятно, больше никогда не увижу ничего подобного.

За горами, напозая на них, начинался густой лес, в предгорьях он был преимущественно хвойным, но дальше виднелись лиственные деревья. В этом волшебном драконьем мире стояла сухая золотая осень, деревья, похожие на клены, роняли желто-оранжевые листья среди хвойной зелени. Возможно, сон был слишком красочным, возможно, зрение доставшегося мне во сне драконьего тела отличалось от человеческого. Но все, что попадалось мне на пути, казалось таким ярким и красивым, каким просто не могло быть в реальности. Каждое дерево, каждый кустик и камень играли красками. Небо сияло такой пронзительной голубизной, что невозможно было оторвать взгляд.

Я полетела дальше, рассматривая осенний лес, немного снизилась, чтобы было лучше видно. Далеко впереди показалась небольшая полянка. Захотелось упасть в нее и ощутить чувствительной драконьей шкурой шелковистую изумрудную траву.

«Странно, – сквозь восторг красивого сна пробились рациональные мысли, – чешуя, а чувствительная, как кожа. И с масштабами тут что-то не так, то ли деревья огромные, то ли драконы карликовые».

Не удержавшись, я сложила крылья и рухнула прямо в траву, с наслаждением вдыхая пьянящий аромат травяного сока. Красота какая! А дома ранняя весна, холодина жуткая. Не хочу просыпаться!

Еще раз вдохнула полной грудью... и все-таки проснулась. С неохотой открыла глаза,

созерцая знакомый потолок своей спальни, медленно поднялась и побрела на кухню заваривать любимый чай с лимоном. Вездесущая Маруська как всегда не вовремя подвернулась под ноги и с возмущенным мявком шарахнула меня когтями по тапочкам.

Я вяло ругнулась.

– Маруська, дурная зверюга, сколько раз тебе говорила, не лезь под ноги!

Кошка, гордо подняв хвост, не торопясь продефилировала на кухню требовать свой законный завтрак. Всякие там «Вискасы» моя белоснежная привереда не признавала принципиально, зато маниакально обожала кильку в томате. Завтракали мы каждый своим любимым блюдом, Маруська уже тщательно вылизывала банку из-под кильки, я запивала припасенные с вечера булочки горячим чаем. Есть у меня такая слабость – обожаю сдобные булочки с маком на завтрак, но позволяю их себе редко и исключительно в выходные. Именно в выходные я даю себе немного расслабиться и потакаю своим маленьким капризам.

Покончив с завтраком, я задумалась, чем бы заняться. Честно говоря, больше всего хотелось рухнуть обратно в постель и заснуть вновь, хотя я совсем не чувствовала себя уставшей. Но яркий, такой живой сон так и манил погрузиться в него. Не знаю, почему так получалось, что меняло мое восприятие, но там все казалось насыщенной, краски ярче и многообразней, запахи имели множество незнакомых оттенков, кожа, покрытая чешуей, ощущала прикосновения совсем иначе, чем я привыкла. Все так объемно и по-настоящему, что реальность после такого сна выглядела серой и тоскливой, словно припорошенной пылью. Было такое странное чувство, что все поменялось местами: сон стал реальностью, а реальность, напротив, все больше напоминала тусклый и невнятный сон.

Я напрасно боялась, что этот красивый драконий мир мне больше не приснится, потому что исправно видела его вот уже пятую ночь. Сначала это были короткие и не слишком достоверные сны. Затем они становились все длинней и насыщенной, мне уже начинало не хватать обычных полетов над горами, все чаще хотелось отлететь от них подальше, посмотреть, что же там есть еще, в этом мире сна. И насколько он огромен, потому что здесь невозможно было пожелать оказаться на другом конце мира и мигом туда переместиться. Все было очень реалистично, полет закономерно отнимал время и силы, а день, как положено, сменялся ночью, освещенной лиловой луной. Мне все чаще начинало казаться, что это какая-то другая реальность, а не только ночная иллюзия, навеянная бурным воображением. А может, я себя лишь убеждала в этом, не желая расставаться с такой интересной и неожиданно приятной частью своей жизни. Особенно учитывая, что после этих снов реальность становилась все более тоскливой.

День прошел ужасно бестолково. Я пыталась заняться уборкой, но все валилось из рук, хотела развеяться, пройдясь с подругой по магазинам, но, когда ухитрилась надеть примеряемый свитер наизнанку и совершенно серьезно одобрить выбранное подругой платье дикого ярко-малинового цвета, поняла, что из этой затеи тоже ничего хорошего не вышло.

Вернувшись домой и бессмысленно промаявшись до вечера, с облегчением рухнула в постель сразу, как только стемнело.

Опять широкая поляна с изумрудной травой, одуряющий запах, как будто кто-то только что косил сено. На самом деле это всего лишь я раздавила тонкие стебли своим телом. В лесу пахло осенью, хвоей и прелыми листьями. Еще какими-то животными, разными. Но какими, я определить не могла, запах просто не с чем было сравнить. Кажется, мое нынешнее драконье тело было слишком юным и еще ни разу не удалялось от гор, а значит, никаких животных, кроме горных баранов, не видело. Или правильной было сказать – я не

видела?

В лесу мне нравилось: умиротворенно и красиво. Опять же обилие запахов, большинство из которых незнакомы либо знакомы, но оборачиваются совершенно иными сторонами. Я нюхала и щупала все, до чего могла дотянуться. Спугнула белку, щелкающую шишку на елке, шишка упала мне на голову, вызвав веселый смех. Забавно: оказывается, драконы умеют смеяться, не так, как люди, но ни с чем другим этот звук спутать было нельзя. А вот разговаривать, к сожалению, не умеют. Я пробовала, оказалось, что голосовые связки этого тела не приспособлены к человеческой речи. Драконы неразумны? Или у них свой собственный язык, подходящий для этих существ? Наверное, первое. Драконы похожи на обычных зверей, у них лапы, хоть и напоминающие руки, однако ходят эти крылатые ящеры на четырех лапах. У крыс, например, тоже весьма ловкие конечности, но они ведь не становятся от этого более разумными. Впрочем, о чем я думаю, это же всего лишь сон!

Верить в то, что весь окружающий мир – лишь сон, не хотелось. Со вздохом я решила, что пора бы чем-нибудь перекусить, собственный организм напомнил о том, что здесь все происходит как в реальности. Я попробовала поискать какие-нибудь съедобные ягоды. Вряд ли драконы вегетарианцы, но мысль полакомиться ягодами отторжения не вызвала. А уж когда я набрела на спелую бруснику, то всякие сомнения отпали окончательно.

В тот момент я даже не догадывалась, насколько рискованна моя беспечность в этом лесу. Я не беспокоилась о том, что мне необходимо чего-то опасаться, не обращала внимания на посторонние звуки, увлеченно смакуя вкус алых ягод. Как оказалось, вкусовые ощущения у драконов тоже отличаются от человеческих в лучшую сторону, раз уж обычная брусника вдруг превратилась в великолепное и почти незнакомое лакомство.

Следовало, наверное, задуматься о том, что, раз уж в этом сне все так реалистично, он просто не может быть радужно-беспечным и безопасным. Закономерный вывод вообще-то.

Посторонние звуки я услышала и даже насторожилась, прислушиваясь. Но все тут же затихло, будто зверь, который подбирался ко мне, испугался моего движения и замер. Да и пахло тоже зверем. Правда, запах показался мне странным, словно бы не совсем живым, но сравнивать опять же было не с чем, а то, что удалось унюхать, настороженности не вызывало. Вероятно, это был не хищник, я вернулась к таким вкусным ягодам. Звук спустя какое-то время повторился. Настороженно прислушиваюсь – опять тишина. Так повторялось еще два раза, но, судя по ощущениям и запаху, незнакомый зверь не пытался приблизиться, а лишь обходил меня стороной.

Я до последнего момента не насторожилась, даже когда сверху упала сеть, не сразу поняла, что произошло. А когда забилась, вырываясь, на меня рухнуло тяжелое тело, вызвав приступ паники. Забились еще сильнее, даже кусалась и царапалась, но меня придавили к земле, стараясь плотней запеленать в сеть. Я сообразила, что это человек, только когда затянутая в плотную кожаную перчатку рука прижала к моему носу отвратительно воняющую тряпку. Попытка укусить успехом не увенчалась – перчатка слишком плотная, зубы наполовину завязли в толстой коже. Человек выругался на незнакомом языке и что-то крикнул, рядом рухнул второй, вместе им удалось наконец зафиксировать меня и прижать к носу свою тряпку. Драконьи глаза начали медленно закрываться...

...и я проснулась в своей постели под истеричные вопли будильника.

Пора собираться на работу.

Собиралась я как на автопилоте, все еще переживая случившееся во сне. Сейчас собственное поведение казалось весьма нелогичным, как у ребенка, который и не

подозревает, что в жизни существуют какие-то опасности и злые люди, от которых следует держаться подальше. Вообще, если задуматься, я очень странно чувствовала себя в драконьем теле: помнила, кем являюсь, осознавала, что заснула в своей постели, прежде чем оказаться в этом теле и в этом мире, но в то же время, если жестко не контролировала чешуйчатое тело, оно вело себя как беспечный ребенок. И если вспомнить двух оранжевых дракончиков, которые якобы «из одного со мной гнезда», то, очевидно, так и есть.

Интересно, и с каких это пор происходящее во сне стало волновать меня настолько, что реальная жизнь отошла даже не на второй план, а вообще куда-то в сторону? Я даже не заметила, как добралась до работы, благо привычный за годы маршрут вьелся в подкорку настолько, что я не перепутала автобус и не заехала на другой конец города, не попала под машину, рассеянно переходя дорогу, и даже не вляпалась ни в одну лужу.

Вот только работоспособность в этот день оказалась равна нулю, я трижды была обругана шефом, почти безразлично отреагировала на угрозу увольнения, борясь с внезапно навалившейся на меня сонливостью. Спать хотелось просто невероятно сильно, но в то же время засыпать было откровенно страшно. Я уже имела возможность убедиться, что мои сны чрезвычайно похожи на реальность и помимо радости могут доставлять и боль. И кто знает, что будет, если вдруг в таком сне я покалечусь или умру? Небезынтересная мысль, учитывая последнее происшествие.

Я выпила неизвестно какую по счету чашку кофе и упрямо попыталась вернуться к работе. Сосредоточиться не получалось, а глаза закрывались, и прогнать сон не выходило уже никаким кофе. Коллеги уже давно шептались, наблюдая за моей борьбой со сном, и страшно подумать, до чего уже договорились. Наконец одна из моих «закадычных подруг» не выдержала.

– Что-то ты, Катерина, сегодня не в форме, – заметила она елейным голоском. – Видимо, выходные прошли с пользой. Неужели ты нашла себе красавца-мачо, и он за ночь тебя совсем укатал?

– Представь себе, и даже двух, – привычно огрызаюсь без всякого энтузиазма. Единственное, что меня сейчас по-настоящему занимало, так это попытка сдержать богатырский зевок.

Следующей реплики я уже не услышала, потому что рухнула на стол, мгновенно проваливаясь в сон.

Если человеку нужно стать незаметным, то самое лучшее – одеться по возможности неброско и вести себя естественно, а вот если человеку необходимо просто остаться неузнанным, то вполне сойдет и длинный плащ с глубоким капюшоном. Ингельду Регди было безразлично, насколько он незаметен, но признанным здесь ему быть совершенно не хотелось. Более того, узнай кто-нибудь третьего королевского советника здесь и сейчас, он вполне мог бы лишиться своего места. При других обстоятельствах Регди и не подумал бы связываться с контрабандистами и браконьерами, однако сейчас ему срочно понадобился фамильяр. И это, без преувеличений, было вопросом жизни и смерти, его жизни и смерти.

Естественно, он сначала попытался достать фамильяра через официальные питомники. Это в любом случае было бы оптимальным выходом: животное, взятое из только что вылупившейся кладки, приручается, да и обучению поддается гораздо лучше. К тому же не без оснований считается, что дикие драконы и вовсе не поддаются дрессировке и с трудом уживаются с человеком, вероятно, они гораздо глупее тех, что разводят в питомниках. Но у

Регди не осталось выбора: ближайшая кладка должна вылупиться лишь через пять дней, не говоря о том, какая на будущих фамильяров очередь среди первых семей королевства. Советник мог бы использовать свое влияние, чтобы подвинуть эту очередь в свою пользу, чем наверняка нажил бы множество врагов. Фамильяр мало того что создание крайне полезное для своего хозяина, в некоторых случаях даже незаменимое, наличие фамильяра еще и весьма престижно. Но, пожалуй, Регди готов был и на конфликт, если бы это имело хоть какой-то смысл. Ждать, пока вылупится кладка, у него не было времени.

Советник остановился и на миг прислушался – показалось, что за ним кто-то идет, или это лишь случайный прохожий? Он нырнул в тень, пропуская идущего мимо человека, усмехнулся, обнаружив, что тот точно так же кутается в темный плащ. Еще один авантюрист, решивший обзавестись фамильяром незаконным путем? Следует поспешить – будет досадно, если то, ради чего он ввязался в столь опасную авантюру и преступил закон, уведут у него из-под носа.

Дикие драконы рождаются лишь в Заповеднике, и охота на них запрещена законом. Браконьерам, пойманным с поличным, грозит казнь, а тем, кого уличат в покупке дикого дракона, – конфискация имущества и изгнание, невзирая на титулы. Советник рисковал всем, связавшись с браконьерами, но и не сделав этого, он рисковал, пожалуй, большим – собственной жизнью.

Он подошел к нужному дому почти одновременно со вторым посетителем, остановился за его спиной, ожидая, пока тот постучит в потемневшую деревянную дверь под закоптелым, постоянно мигающим фонарем. Рука, вынырнувшая из-под плаща, была обтянута тонкой кожей перчатки и показалась по-женски изящной.

Дверь открыл толстый низкорослый человек с лицом завязтого уголовника и пропойцы, подслеповато прищурился в едва разгоняемый фонарем сумрак.

– Проходите, господа, – угрюмо проворчал толстяк, разглядев посетителей.

Неизвестный в плаще, мгновенно осознав смысл фразы, прынул в сторону, резко оборачиваясь. Усмехнувшись под широким капюшоном, советник ловко обогнул застывшего незнакомца и нырнул в услужливо открытую дверь. Дама или нет, это неизвестно, может, и вовсе особо нервный юнец, начитавшийся романтических сказок. А Регди сейчас было не до церемоний, да и место неподходящее для проявления галантности.

Сердитое фырканье в спину и легкие шаги косвенно подтвердили его догадку, что под плащом прячется дама.

В небольшой комнате, куда гостей проводил насупленный толстяк, не было ничего, кроме колченогого стола, одного стула, занятого неправдоподобно тощим человеком, и неизвестного пока предмета, накрытого толстой тканью. Скорее всего, клетка с драконом. На столе стоял подсвечник на четыре свечи – единственное освещение в комнате.

– Вы обещали мне, что я буду единственным покупателем! – Голос незнакомца или, скорее уж, незнакомки звучал возмущенно.

Советник предпочел промолчать. Он знал, куда идет, и предполагал, что браконьеры попытаются устроить торги, странно лишь, что пригласили всего двоих. Да, они рискуют, однако и куш могут сорвать немалый, после чего залягут на дно на несколько месяцев. Единственное, что его беспокоило, насколько состоятельна незнакомка, не сумеет ли она перекупить фамильяра?

– Если вы чем-то недовольны, можете подождать в сторонке, думаю, этот господин с удовольствием купит дракона, – нахально заявил второй браконьер, не удосужившись

подняться с единственного в комнате стула, чтобы поприветствовать гостей. Толстяк поддержал его угрюмым молчанием.

– Товар покажите, – потребовал Регди, в самом зародыше пресекая едва не начавшуюся перебранку.

Леди, а в этом не осталось уже никаких сомнений, вновь выразила свое отношение к ситуации возмущенным фырканьем.

Зато браконьеры без всяких возражений сняли покрывало с клетки. Регди постарался рассмотреть при неверном свете свечей будущего фамильяра. В клетке, напряженно подняв крылья и оскалив ряд мелких острых зубов, замер перепуганный маленький дракончик ало-черной расцветки. Судя по размерам, дракончик был еще совсем юным, что, несомненно, хорошо. И смертельно перепуганным, что гораздо хуже. Темно-лиловые глаза настороженно блестели, быстро перебегая от одного человека к другому.

Леди неосторожно подошла к клетке, протягивая руку к дракончику, за что чуть не поплатилась пальцами. Звереныш щелкнул зубами едва ли не в миллиметре от них, предупреждая зашипев. Регди знакомиться с фамильяром не спешил, предпочитая в первую очередь озаботиться практическими вопросами.

– Сколько?

– А сколько господин может предложить? – тут же алчно поинтересовался браконьер.

– Эй, погодите, этого дракона беру я! – возмутилась леди.

– Этого дракона заберет тот, у кого больше денег, – спокойно отозвался советник. И опять браконьеру: – Так сколько? Назовите начальную цену.

Браконьеры не поскромничали, назначив цену в четыре белых, или четыре тысячи золотых. Да, фамильяры стоят недешево, даже в питомниках, эти проходимцы, видимо, решили стрясти с двоих глупцов все, что возможно.

– Тот, кто предложит больше, и получит этого дракона.

Незнакомка, прячущаяся под плащом, торговалась яростно, у советника сложилось такое впечатление, что ей жизненно необходим этот дракон, и, пожалуй, в других обстоятельствах он бы уступил даме. Если бы собственная необходимость не заботила его сейчас гораздо больше благородства и хороших манер. Сам Регди особых эмоций в импровизированном аукционе не проявлял, понимая, что в конечном счете выиграет тот, у кого с собой наличности больше.

– Девять белых! – в отчаянии воскликнула незнакомка, швырнув на стол мешочек с тихо звякнувшими платиновыми монетами.

Советник понял, что это все, что у нее было, снял с пальца золотой перстень с крупным рубином, порадовавшись, что догадался взять тот, на котором нет его личного клейма. Перстень он аккуратно положил на стол, рядом мешочек, почти такой же, как у леди.

– Восемь белых и две тысячи золотых за перстень, – сказал Регди.

Толстяк повертел в мясистых пальцах перстень, поднося его к самому пламени свечей. Однако клейм или меток на нем не было, и даже рубин не отличался особыми размерами, единственная его особенность в необычайной чистоте камня. Советник, пожалуй, даже преуменьшил, при везении перстень можно было сбывать почти за три тысячи.

– Продано, господин! – поспешно согласился его поделщик. – Можете забирать.

Регди молча подошел к клетке, поднял покрывало, дракончик, все это время напряженно наблюдавший за происходящим, испуганно шархнулся. Советник накрыл клетку покрывалом и взялся за ручку, легко поднимая клетку, зверек пока весил совсем немного, чуть побольше

упитанного котенка.

Не прощаясь, он покинул дом, браконьеры поспешно делили деньги, они явно тоже не стремились задержаться здесь. Почти наверняка исчезнут сразу после ухода покупателей.

Уже на улице спустя несколько минут его нагнали торопливые шаги. Тонкая рука в перчатке довольно крепко схватила за предплечье.

– Пожалуйста, господин, послушайте! Мне очень нужен этот дракон, уступите мне его, я верну вам потраченные деньги, напишу расписку, по которой вы сможете получить гораздо больше. Прошу вас!

– Простите, сударыня, но я вряд ли соглашусь пожертвовать собственной жизнью, даже если вы сейчас скажете, что дома у вас умирает единственный сын, – сухо ответил советник, одним движением освобождаясь от ловких пальцев. – Прощайте.

И поспешил прочь, не желая слышать уговоры. Регди не солгал: вряд ли даже упоминание об умирающем ребенке заставило бы его уступить дракона. Разве что совесть могла уколоть. Потом, когда он был бы полностью уверен, что собственная жизнь уже вне опасности.

Фамильяры обладали рядом довольно-таки полезных и, надо сказать, в некоторых случаях жизненно необходимых свойств. Так, например, они полностью защищали своего хозяина от ядов и проклятий, даже от тех, которые в прошлом (да, впрочем, и сейчас) считались абсолютно неснимаемыми. Также при ритуале запечатления могли вылечить хозяина от любой самой смертельной болезни или раны. И, по слухам, сильно продлевали жизнь, чуть ли не вдвое или втрое. Последнее случалось крайне редко, вообще же эффективность фамильяра зависела от его взаимопонимания с хозяином. Чем ближе эти двое, тем больше эффект, но добиться такого близкого контакта с фамильяром, чтобы продлить свою жизнь, удалось единицам. Регди на такую удачу и не рассчитывал, как и на половину других свойств, понимая, что с диким наладить хоть какой-то контакт будет весьма сложно. Но для него сейчас важнее всего был ритуал запечатления, вероятно, единственное, что еще может его спасти.

За две улицы от дома браконьеров советника ожидал экипаж, наемный, разумеется, который и повез его почти на другой край города. И уже оттуда он собирался добираться домой.

Ехать было далеко, советник поставил на соседнее сиденье клетку и снял покрывало, рассматривая свое приобретение. Дракончик сжался, стараясь отодвинуться как можно дальше, насколько позволяло тесное пространство клетки, но испуганным он уже не выглядел, скорее настороженным. В экипаже присутствовало кое-какое освещение для припозднившихся клиентов, потому советник получил возможность рассмотреть будущего фамильяра, а рассмотрев, слегка скривился. Самка. Досадно, но самки, даже взятые из питомника, довольно трудно поддаются приручению, что уж говорить о дикой. Ну что ж, по большому счету выбора у него все равно не было, так что стоит решать проблемы по мере их поступления. А следующим на очереди было запечатление, ритуал довольно простой, но требующий тактильного контакта с фамильяром. У которого, несмотря на скромные размеры, два ряда острейших зубов и, по всей очевидности, стойкое желание использовать их по назначению на первом, кто рискнет оказаться слишком близко. Регди оставалось лишь два варианта: либо рискнуть рукой, либо попытаться наладить контакт с испуганным животным.

– Не бойся, малышка, я ничего плохого тебе не сделаю. – Стараясь говорить как можно

мягче, он протянул руку к клетке.

Дракончик, как и ожидалось, зашипел и оскалился. С приручением животных и детей у советника всегда имелись определенные проблемы, он просто не умел разговаривать ни с теми, ни с другими.

Некоторое время дракон и человек изучающе разглядывали друг друга, а затем советник со вздохом прикрыл глаза и откинулся на спинку сиденья, понимая, как же он все-таки устал.

Очнулась я в клетке. Обычная такая, с круглым деревянным дном, вверху прутья сходятся куполом. В подобных клетках, как правило, обитают дорогушие ара и какаду, но эта, пожалуй, побольше будет. Впрочем, с масштабами мне довольно сложно определиться, в данный момент клетка накрыта плотной темной тканью и, кстати, покачивается – очевидно, меня куда-то несут или везут, но сравнить свои размеры с окружающим миром это сильно мешало. А при первой и пока единственной встрече с людьми мне было слегка не до того. Только и показалось, что драконье тельце намного меньше тяжелой человеческой туши, примерно как небольшая собачка. Но этим впечатлениям я пока не вполне доверяла. Чего не почудится в такой момент.

Было страшновато, я понятия не имела, зачем меня поймали и куда везут. Может быть, драконы тут деликатес и из меня шашлык сделают? Это, конечно, было не самое логичное предположение, но откуда мне знать, для чего нужны драконы. Нервировало к тому же то, как я сюда попала. Если раньше просто видела сны по ночам, то в этот раз мгновенно провалилась в странный мир, даже не успев ничего понять. Получится ли проснуться или я теперь навсегда заперта в маленьком драконьем тельце?

Чтобы не сходить с ума от страха, на удивление, слишком сильного для моего спокойного характера, надо бы учиться лучше контролировать это тело. Так вот, чтобы успокоиться, я попыталась угадать, что происходит вокруг. Покрывало мешало обзору, но ведь обоняние и слух у меня были во много раз острее человеческих. Стоило только сосредоточиться на ощущениях, и информация обрушилась на меня огромным потоком, оставалось только осмысливать ее и сопоставлять. Скрип колес и тихое сопение, равномерное раскачивание и тихий цокот. Запах сена и животного, скорее всего, лошади. Чей-то недовольный голос, сердито произносящий короткое слово на незнакомом языке. Под покрывалом довольно душно, к тому же запахи и звуки проходят сквозь него чересчур приглушенно, даже для драконьих органов чувств. Ко всем запахам явственно примешивается аромат сена. Не надо быть семи пядей во лбу, чтобы сделать выводы: очевидно, меня везут в телеге, спрятав в соломе, рядом кто-то спит, а еще кто-то ругался, но местного языка я не понимаю. С одной стороны, куча информации, с другой – совершенно никакой. Ну везут. А куда? И зачем?

Спустя два, как мне показалось, часа мою клетку вытащили из сена и подняли покрывало, затем решили накормить. Прежде чем сообразила, что делаю, я попыталась укунуть протягивающую мне миску руку. Но человек был в толстой кожаной перчатке, зубы завязли в ней, судя по ощущениям, не причинив особого вреда. Человек ругнулся и коротко ударил под челюсть. Падать в клетке было некуда, потому всего лишь ударились о прутья. Больно!

Я зашипела, стараясь сдержать внезапно подступившие к глазам слезы. Еще не хватало! Все-таки у этого тела совершенно детские реакции.

Человек еще раз ругнулся и вновь накрыл клетку. Ближе к ночи мы приехали, если судить по звукам, в какой-то город или просто многонаселенное место, затем остановились в пустующем доме. Там пахло пылью и, очевидно, давно никто не жил.

Если бы в клетке было чуть больше места, я бы, наверное, начала метаться, чтобы избавиться от этой опустошающей беспомощности и непонимания. Но клетки хватало

только на то, чтобы сидеть, не скрутившись в тугой узел, да разворачиваться без помех. Так что единственное, что мне оставалось, это слушать.

Позже в дом помимо моих похитителей пришли еще два человека, и покрывало с клетки наконец сняли. Я следила за людьми, не понимая ни слова, но это и не нужно было, чтобы разобраться в происходящем. Торг. Двое в плащах соревновались за возможность купить меня. Под одним из плащей скрывалась женщина, об этом говорил и запах, и излишне эмоциональное поведение. В самом начале торга она попыталась прикоснуться ко мне, но я инстинктивно щелкнула зубами, давая понять, что такого не потерплю. В итоге купил меня мужчина.

Я зябко поежилась под вновь наброшенным покрывалом. С одной стороны, судя по всему, заплатили за меня много, а значит, скорее всего, на шашлык или модную сумочку не пустят. «Точно, я себе верю? Может быть, драконье мясо – это чудодейственное лекарство?» Ладно, ладно, но, по крайней мере, с тем, кого собираются убить, не пытаются наладить контакт, а та женщина явно намеревалась сделать именно это.

С другой же стороны, все равно непонятно, зачем меня купили. В качестве питомца? Быть чьей-то домашней зверушкой мне тоже абсолютно не хотелось. Будущее пока что выглядело довольно мрачно, и как проснуться, чтобы вновь оказаться в собственном теле, неясно.

Мои предположения о домашнем питомце косвенно подтвердились: в карете мужчина тоже попытался наладить контакт. Протянул руку ладонью вверх и попытался сказать, очевидно, что-то успокаивающее. Да уж, этого типа к детям и животным подпускать не стоит, не знаю уж, что он там говорил, но тон при всем старании получился властным, несмотря на все попытки придать ему мягкости. Предупреждающе щелкаю зубами. Нет, я его уже не боялась, во всяком случае не настолько, чтобы шипеть и кусаться в панике. И сделала это не инстинктивно, как прежде, а вполне осознанно. Я этому человеку не доверяю, чтобы позволять ему ко мне прикасаться, и нелишне заранее дать понять, что в случае чего буду защищаться до последнего, даже если с моими размерами ни на что действительно серьезное я не способна.

Человек понял, прикрыл глаза и устало откинулся на спинку сиденья. Я воспользовалась возможностью рассмотреть своего «хозяина» получше. Рост и телосложение под плащом определить было сложно, а вот капюшон он откинул, так что лицо с правильными и довольно приятными чертами мне было видно хорошо. Греческий нос, волевой подбородок. Четко очерченные тонкие губы. Под прикрытыми веками глаз не видно, но, если я правильно запомнила, они серо-голубые. Шатен, подстрижен не слишком коротко, волосы прикрывают шею. Вот и все, пожалуй, вполне привлекательное лицо, хотя и не сказать чтобы располагающее. Есть в нем нечто жесткое. Ну еще стоит отметить излишнюю бледность и утомленный вид. Болен или сильно устал?

Ехали мы около получаса, затем мужчина вновь накрыл клетку и куда-то понес. Я сидела тихо, чувствуя, что уже очень скоро узнаю, зачем меня поймали. Сбежать я уже не пыталась, знала, что клетка, несмотря на кажущуюся хрупкость, весьма прочная. Сломать прутья у меня не хватало сил, пробовала уже, за что опять схлопотала удар от похитителей.

Кажется, пришли. Хлопнула дверь, что-то зашуршало, да и запах изменился. Пахло жильем, людьми, чем-то съедобным. Запахов было много, я старалась угадать, к чему они относятся. Даже увлеклась немного и совсем не ожидала следующих действий мужчины. Он снял покрывало, поставил клетку на стол, провернул маленький ключик в хитром замке, а

потом, равнодушно отвернувшись, обошел стол и сел в кресло, стоящее по другую сторону.

Я настороженно наблюдала за тем, как он неторопливо копается в ящике стола, вынимает трубку и небольшой кожаный мешочек, обстоятельно набивает ее и прикуривает, устало выпускает колечко дыма в потолок. Быстро осматриваюсь: комната напоминает кабинет. Шкаф с книгами за спиной хозяина, старинный письменный стол, на котором стоит моя клетка, рядом подсвечник на шесть свечей и бумаги, придавленные пресс-папье. Левая стена кабинета тоже занята большим старинным шкафом с книгами, правая полностью закрыта тяжелой портьерой шоколадного цвета, наверное, там окно. Что находится сзади, я не видела, потому что не рискнула поворачиваться к мужчине спиной.

Поколебавшись немного, решаюсь аккуратно толкнуть лапой клетку. Та, как ей и следовало, открылась. Так, и что теперь? Выходить или не стоит? Опасливо высовываю голову из клетки, от запаха табака тянет чихать, что я и делаю аж целых три раза, потом машинально облизываю нос языком. А у драконов, оказывается, очень длинный язык!

Мужчина смотрит на меня, нарочито не торопясь выбивает трубку в пепельницу, затем кладет руки на стол, ладонями вверх. Наверняка это должно дать мне понять, что он ничего плохого делать не собирается, но я в общем-то и так догадалась. Вряд ли он стал бы открывать клетку, если бы хотел что-то со мной сделать, в ней у меня гораздо меньше свободы действий. Понять бы еще, чего он от меня хочет. Почему-то я сильно сомневаюсь, что домашнего любимца покупают с такими сложностями, и хоть я не понимаю местный язык (ну какой это сон после этого?!) и не разбираюсь в их денежной системе, что-то подсказывает: заплатили за меня много. Один только перстенок с рубином выглядел внушительно.

Наконец я решилась и выбралась из клетки целиком, настороженно принялась к рукам мужчины, мимолетно удивляясь тому, что ориентироваться на запах и слух для меня уже кажется естественным. Руки терпко пахли табаком, и человеческой кожей, и еще чем-то незнакомым, травяным. В общем-то запах неприятных ощущений не вызывал. Придвигаюсь чуть ближе, мужчина в то же время медленно протягивает ко мне руку. Я еще колебалась, стоит ли позволить ему прикоснуться к себе или лучше не связываться, как вдруг мужчина побледнел и схватился за голову.

Я занервничала. Только этого не хватало! Он чем-то болен? А если это приступ и он сейчас умрет? Как бы потом я виноватой не оказалась. Что же делать, ведь я ему сейчас и помочь ничем не смогу, даже искусственное дыхание не сделать. Впрочем, судя по расширенным зрачкам и выступившим на бледной коже бисеринкам пота, ему сейчас не искусственное дыхание нужно, а лекарство. Обезболивающее как минимум.

Надо подумать спокойно, не суетиться, но и быстро, а то, пока буду соображать, человек, чего доброго, и умереть успеет. Значит, так: возможно, этот приступ не первый, проверить ящик стола на предмет лекарств. Стараясь не обращать внимания на медленно оседающего в кресле мужчину, подбегаю к краю стола и лапами выдвигаю ящик, сую туда нос. Апчхи, тьфу, все табаком провоняло. Так, стопки бумаг, две трубки, два мешочка с отчетливым табачным запахом. Еще один мешочек, но запах уже травяной. Что-то знакомое. Точно, так пахло от рук мужчины. Оно? Не знаю, но ничего более подходящего в ящике нет, а делать что-то надо, у бедняги уже губы посинели.

Развязать тонкий эластичный шнурок на горловине мешочка драконьими лапами оказалось почти нереально, во всяком случае в приемлемые сроки. Просто разрываю его клыками, на стол выкатываются странные таблетки размером с монету, напоминающие

прессованное сено. Как же он такое проглотит, да еще и в предобморочном состоянии? В панике озираюсь и с облегчением обнаруживаю у противоположной стены тумбочку с кувшином и тонкой фарфоровой кружкой. Никогда не думала, что можно за одно мгновение пролететь через всю комнату, зависнуть на одном месте, как пчела, налить в кружку воды и вернуться, не пролив ни капли.

Как я пыталась заставить его проглотить лекарство, это отдельный разговор. Маленькие размеры в данном случае стали серьезной помехой: пришлось забраться к мужчине на колени и, встав на носочки, проталкивать большую крошащуюся таблетку в рот и только потом приставить к губам кружку. Он судорожно сглотнул, а затем послушно принялся глотать воду. Минуты через две синева с губ начала медленно сходить, да и дыхание выровнялось. Ну слава богу, обошлось!

Но, кажется, я рано обрадовалась. Стоило только ему немного прийти в себя, как я тут же была крепко стиснута сильными руками, мужчина что-то быстро заговорил. В теле отчего-то появилась слабость, и по спине побежали мурашки. «Странное ощущение, – пришла отстраненная мысль, – мурашки по чешуе». Впрочем, спустя несколько минут все прошло, и я даже смогла сердито завозиться на руках у человека и выразить свое неудовольствие негромким шипением.

– Умная девочка, – сообщил он довольно, почесав меня между рожками.

И с каких же это пор я стала его понимать?

– Умная девочка. – Регди рассеянно почесал фамильяра между коротких рожек.

Можно было себя поздравить, он не только решил свою главную проблему, но, оказывается, и весьма удачно вложил деньги. Кто мог ожидать, что дикий дракон окажется настолько сообразительным, чтобы догадаться дать беспомощному человеку нужное лекарство? Советник чуть заметно поморщился, он не рассчитывал, что очередной, по всем прикидкам последний приступ настигнет его так скоро. Он должен был случиться к утру, Регди был уверен, что времени хватит, ведь приступы регулярно повторялись два раза в сутки: на рассвете и на закате. Он принял лекарство, прежде чем выйти из дома, и не стал брать его с собой. А следовало бы. Следовало бы и вовсе держать мешочек с прессованными особым образом травами при себе. Когда внезапная боль сначала взорвала голову яркой вспышкой, а затем скрутила все тело, он был уже не в состоянии дотянуться до ящика стола, не говоря уж о том, чтобы позвать на помощь. И определенно не ожидал, что помощь эта придет от его нового приобретения, на которое и надежд особых не возлагалось, разве только избавиться от медленно и мучительно убивающего проклятия.

Что ж, можно считать, повезло. И даже думать, как совладать с испуганным фамильяром, чтобы провести запечатление, не пришлось. Едва начав приходить в себя, Регди только и помнил, что дракон как раз нужен, чтобы избавиться от этих приступов, потому, не особо еще соображая, прижал к себе зверька, шепча древние слова ритуала. Дракон на его коленях недовольно шипел на такое обращение, но агрессии не проявлял.

– Умная девочка, – повторил Ингельд, пересаживая дракону на стол. – И как бы тебя назвать?

Та склонила набок чешуйчатую голову, увенчанную маленькими рожками, и посмотрела заинтересованно. Фамильяра действительно следовало как-то назвать, а еще подумать над тем, как его легализовать. До сих пор ему было несколько не до того, лишь бы выжить. Советник даже допускал, что ради этого придется пожертвовать титулом и всем имуществом.

В конце концов, изгнание в его случае было не самым плохим вариантом, когда альтернатива – смерть. Но раз уж все так удачно сложилось...

Кое-какие идеи относительно легализации фамильяра у него конечно же были, все-таки Регди не мог не надеяться, что все получится. И сейчас постарался припомнить, нет ли у него должников с фамильяром-самочкой. Выходило, что таких двое, надо бы еще для верности заглянуть в свои записи. Вообще-то вне питомников драконы размножались довольно редко, еще реже в кладке выживало больше одного детеныша. По правде сказать, драконы и в питомнике размножались не слишком хорошо, а через три-четыре поколения и вовсе превращались в обычных зверей, теряя все свои полезные свойства, да и глупели изрядно. Собственно, именно для того и существовал Заповедник – для притока свежей крови и поддержания необычных свойств фамильяров. Дикие тоже считались глупыми и не поддающимися приручению, но если аккуратно изъять яйцо из кладки и правильно вырастить фамильяра в питомнике, то следующее поколение будет именно таким, как нужно.

Лениво размышляя, советник вставил в один из ящиков стола специальный маленький ключ и вынул нужные записи. Итак, чем мы располагаем? Барон фон Рейн; имеет фамильяра-самочку. Нет, не годится, долг его намного меньше, чем мог бы стоить дракон, так что представить это как уплату долга фамильяром не получится. Да к тому же барон феноменально болтлив, о таком неординарном событии, как драконья кладка, должны были узнать все его соседи. Совершенно не годится. Далее: граф Сенж. Этот, в отличие от барона, крупно проигравшегося в карты, должен был не деньги, а услугу, причем довольно специфическую. Впрочем, для непосвященных в проблему все тоже было представлено как карточный долг. Вот это, пожалуй, идеальный кандидат – и живет довольно далеко от столицы, и болтать лишнего не любит. Думается, он легко согласится в случае нужды подтвердить, что отдал советнику фамильяра в счет уплаты долга. И долг в самом деле можно простить.

Регди положил перед собой письменные принадлежности, раздумывая над письмом графу, и рассеянно потянулся за трубкой. Нащупав вместо ожидаемой пепельницы пустой стол, удивленно поднял голову. Дракона, смотря на него честными-пречестными глазами, задней лапой аккуратно отодвигала пепельницу себе за спину.

Советник усмехнулся, невозмутимо доставая запасную трубку, нарочито медленно набил-закурил и выпустил дым в сторону насупленно следящей за ним драконы. Та сердито чихнула, облизывая нос длинным раздвоенным языком.

– Ну?

Дракона, огорченно вздохнув, неохотно вернула пепельницу на место. Регди знал, в чем дело – запах. У драконов очень сильное обоняние, и многие запахи, которые нравятся людям или просто не мешают, кажутся им неприятными. До сих пор о таких мелочах он попросту не задумывался, а вот теперь... Менять привычки, чтобы подстроиться под своего фамильяра, или игнорировать? Советник с сомнением взглянул на трубку и понял, что курить не бросит даже ради железного здоровья и дополнительных ста лет жизни. Тем более что отказ от вредной привычки вовсе не гарантирует столь плотного контакта с фамильяром.

Он отбросил ненужные мысли и вернулся к недописанному письму, не обращая внимания на дракончика, который от нечего делать уже успел собрать раскатившиеся по столу таблетки и теперь, сложив их в небольшую кучку, с любопытством исследовал, тщательно обнюхивая и даже осторожно пытаясь попробовать на вкус кончиком языка.

На некоторое время советник сосредоточился на письме, стараясь подобрать намеки,

которые поймет граф Сенж и не сразу поймет кто-то другой, если письмо все же попадет в чужие руки. Перечитал, удовлетворенно кивнул. Годится. Потер усталые глаза и только сейчас почувствовал, как хочется спать. Глубокая ночь, пора бы и отдохнуть. А все остальные проблемы можно отложить, по крайней мере до утра. На трезвую голову.

Педантично убрав все бумаги (привычка, выработанная годами, некоторых бумаг не должны видеть даже самые преданные слуги), советник подхватил встрепенувшегося фамильяра на руки и отправился в примыкающую к кабинету спальню.

Завтра, все завтра.

Я не ожидала, конечно, всерьез, что попытка умыкнуть пепельницу увенчается успехом, но попробовать стоило. Ну что поделаешь, если мне не нравится ядреный табачный запах, кстати, раньше такого за собой не замечала. Все же в подобном чувствительном обонянии есть и свои минусы. И как, интересно, бедные собаки терпят курящих хозяев?

Мой «хозяин» курил и что-то вдумчиво писал, не обращая на меня внимания. Заскучав, решила собрать в кучку его лекарство, как-то он небрежно отнесся к раскиданным по столу травяным таблеткам, а ну как приступ повторится? Не сдержав любопытства, решила немножко поисследовать эти прессованные кругляшки. Надо полагать, большого вреда не будет, если я испорчу одну. Внешний осмотр и попытка понюхать особо интересных результатов не дали: ну сушеная трава, ну спрессована в довольно крупную и рыхлую таблетку. Единственное, немного удивляет, что тут до подобного додумались, все-таки кареты-лошади и такие вот лекарства как-то не вяжутся. Впрочем, информации пока маловато для подобных выводов. Поколебавшись немного, осторожно лизнула одну из таблеток кончиком языка – немного горьковато, но в принципе ничего, даже приятно. Ну и спрашивается – зачем я это сделала? Как будто не знаю, что не стоит пробовать на вкус незнакомые лекарства. Как ребенок, право слово!

Пока я предавалась размышлениям, мужчина закончил со своими бумагами – мимоходом сунула в них нос, ожидаемо ничего не поняла – и, небрежно зажав меня под мышкой, отправился в спальню. Там я была все так же небрежно спроважена в широкое кресло, а мужчина, наскоро раздевшись, рухнул в постель и тут же уснул. Нелегкий, видать, день выдался у бедняги.

Мне спать не хотелось совершенно: весь день проведя в клетке, успела неплохо вздремнуть, даже несмотря на приступы неконтролируемой паники. Значит, настала пора подумать, пока никто не мешает. И что мы имеем? А имеем мы драконье тело с поведенческими реакциями несмышленного ребенка, которые удастся контролировать хорошо если через раз, невозможность разговаривать с людьми из-за иного строения драконьей пасти и, подозреваю, голосовых связок. А еще мы имеем хозяина, который непонятно зачем за большие, предположительно, деньги купил себе дракона. При этом на любителя домашних животных он не похож нисколько, значит, от меня ему должна быть какая-то иная польза. Первая заметка. Выяснить. Возможно, пригодится.

Сворачиваюсь в кресле по-кошачьи и, положив под голову лапы, вздыхаю.

Дальше. Как вернуться обратно в родное тело – неясно, и удастся ли это выяснить – тоже неясно. До тех пор придется устраиваться здесь. Как следует себя вести? Ну с «хозяином» роль неразумной зверушки уже не сработает, я себя выдала с головой, да к тому же неизвестно, насколько на самом деле другие драконы разумны. Попробовать роль «малыш шкодливый, но умненький»? Люди, как правило, гораздо снисходительней относятся к

сообразительным питомцам, особенно если те имеют некоторое детское обаяние и если шкодят, то не всерьез и без радикальных последствий. Значит, решено: демонстрируем доброжелательность, умеренную сообразительность и любознательность. А там видно будет.

Полежав еще несколько минут, я поняла, что за любознательностью дело не станет: спать по-прежнему не хотелось, а после почти целого дня сидения в замкнутом пространстве тело требовало движения и расхода энергии. Да к тому же просто нестерпимо хотелось побыстрее обследовать территорию своего нового местобитания. Возможно, это какой-то драконий инстинкт, но я чувствовала насущную необходимость все понюхать, пощупать и, возможно, даже попробовать на вкус.

Не выдержав, прыгиваю с кресла и подбегаю к хозяйской кровати. Спит. Ну пусть спит.

Внимательно осматриваюсь, в комнате темно, но мне это совсем не мешает. Так, кровать, кресло – неинтересно. И пушистый ковер: не удержавшись, несколько раз перекатываюсь, чувствуя, как шкуру щекочут жесткие ворсинки; ковер тоже неинтересно. Столик – пустой. Тумбочка – кувшин и медный тазик. Поднимаюсь на цыпочки, чтобы дотянуться до края тумбочки, и зачем-то сую нос в тазик.

Бумс!

Несколько мгновений, сжавшись в комочек, сижу тихо и настороженно прислушиваюсь к тишине, затем опасливо высовываюсь из-под тазика. Спит. Фух! Надо бы поаккуратней, все-таки и свои нынешние габариты учитывать. Это ведь хорошо, что медный таз – вещь относительно легкая и не плоская, так что меня просто накрыло. А вот если бы по голове вот такой дурой? И прощай, крылатая ящерка.

Дальше я старалась обследовать комнату, по возможности ничего не трогая. Понюхать, в конце концов, можно и на расстоянии, а трогать и лизать все подряд – это уже варварство какое-то. Правда, тактильных ощущений сильно не хватало, но я все же старалась держать себя в руках. Впрочем, в комнате ничего особенного больше не обнаружилось. Вообще, обстановка довольно аскетичная, если не считать ковра. Вот ковер был шикарен, да в общем-то и другая мебель не подкачала, но ее было мало. Сразу бросалась в глаза немного тяжеловесная красота старинных и со вкусом подобранных вещей. То есть это на мой взгляд они были старинными, но, вероятнее всего, здесь это был обычный стиль.

Моей сдержанности надолго не хватило – все-таки деятельная драконья натура требовала каких-то более радикальных шагов. И исследований одной только комнаты маловато. Тем более что тут все вещи пахнут только одним человеком, их хозяином. Что в общем-то закономерно, но не слишком интересно. А хочется исследовать весь дом, там наверняка множество незнакомых запахов. Осторожно подбираюсь к двери, толкаю лапой. Не заперто.

«А лучше бы было заперто, опять ведь что-нибудь натворю», – промелькнула последняя рациональная мысль, прежде чем исследовательский энтузиазм захлестнул меня с головой.

Попала я обратно в кабинет, а вот там дверь была заперта, и довольно крупный ключ торчал в замке. Причем, даже встав на задние лапы и вытянувшись в струнку, я до него не дотягивалась. Но это явно не препятствие для неумного драконьего любопытства. Взлетаю, хватаюсь двумя лапами за ключ и пытаюсь его повернуть, тот поддается на удивление легко, послушно проворачиваясь в замке. Вместе со мной.

Не устаю поражаться феноменальной гибкости своего тела, это ведь уму непостижимо, как можно вот так – едва ли не завязаться узлом и при этом остаться висеть на торчащем в замочной скважине ключе? Который, кстати, начал подозрительно гнуться под моим весом.

Начинаю усиленно работать крыльями, дверь с тихим скрипом открывается.

«Может, не надо?» – вяло трепыхнулось сомнение, но в щель уже проникло множество незнакомых запахов, потянувших меня за собой, как магнитом.

Не знаю, можно назвать плюсом или минусом чувствительное обоняние драконов, сравнивать мне не с чем, но сшибающая с ног волна ароматов захватила меня с головой. Я в ней тонула, пытаюсь угадать, что и к чему относится, разобрать на составляющие невообразимую смесь запахов человеческого жилья. В хозяйских покоях все-таки преобладал запах одного человека, смешанный с табаком, и там он был довольно устойчив, перебивая остальные, менее значительные. А вот в доме, там можно было учуять и других людей, и много что еще. Какое-то время я замороженно бродила по пустынным в ночное время коридорам, крутя головой в полном ошеломлении и не зная, куда податься, пока носа не коснулся совсем слабый запах съестного. В животе тут же заурчало, запоздало вспомнилось, что я ведь за последние сутки ела всего лишь один раз – давешняя брусника в лесу не считается, вполне вероятно, что в моем рационе эти ягоды присутствовали неделю назад или даже больше. Ибо неизвестно, как долго длилось путешествие, пока я бодрствовала и «отсутствовала» в драконьем теле. Нос сам повернулся на запах, пора поискать пропитание голодному зверю.

В конечном счете собственный нос ожидаемо привел меня на кухню. Было там пусто и тихо, а что обидней всего – несмотря на запах, ничего съестного при беглом осмотре я не нашла. На всякий случай проверила кастрюлю, найденную на печи, та, к моему глубокому сожалению, оказалась не только пустой, но и чисто вымытой. Все самые соблазнительные запахи доносились из-за плотно закрытой двери кладовой. Но добраться до этих закромов у меня, к сожалению, не было никакой возможности. Но это же нонсенс, чтобы на кухне и не было ничего съедобного! Надо только хорошенько поискать.

Первое, на что я набрела, был толстый деревянный бочонок, от которого умопомрачительно пахло какими-то соленьями. Желудок предательски заурчал, заставив на время забыть о продолжении поисков. Я бы сейчас вполне удовлетворилась и мочеными яблоками или же квашеной капустой. Проблема состояла лишь в том, что бочонок этак в два моих роста высотой наполовину прикрыт толстенной деревянной крышкой, сдвинуть которую мне вряд ли под силу, а его содержимое, распространяющее одуряющий запах солений, покоилось где-то на самом дне.

Может, ну его? Не достану ведь!

Я принялась и сглотнула. Ладно, разок попробую и, если не получится, возвращаюсь в хозяйскую спальню. Меня в любом случае должны накормить утром. В конце концов, это нелогично – заводить домашнего питомца и не кормить его.

В бочонок я все-таки полезла, зацепившись когтями задних лап за край, попыталась протиснуться в щель между краем и крышкой. Протиснуться-то протиснулась, а вот о том, что когти-то у меня далеко не кошачьи, следовало бы догадаться раньше – вес моего тела они не удержали. С протестующим писком обрушиваюсь вниз, плюхнувшись в рассол. Что-то заскрипело, и резко стало темно. С нехорошим предчувствием поднимаю голову вверх. Не знаю уж, от падения или хвостом зацепила, но крышка съехала, полностью закрыв щель. Тяжелая, между прочим, крышка, а когти у меня, как уже говорилось, не кошачьи, недостаточно острые, чтобы цепляться за разные поверхности. Если вскарабкаться до верха по гладким стенкам бочонка и удастся, то выдавить крышку – вряд ли, съеду просто. Для того чтобы расправить крылья и взлететь, места мало.

«Доигралась! – обреченно подумала я. – И винить в этом некого, кроме себя самой. И почему считается, что детство – это лучшая пора? Это же ужас на самом-то деле! Полная утрата здравомыслия и способности принимать адекватные решения! Неумное любопытство в разы больше, чем инстинкт самосохранения. С этим надо что-то делать, причем не потом когда-нибудь, а срочно! Иначе, дожидаясь, когда мое драконье тело повзрослеет самостоятельно, я рискую угробиться раньше по собственной глупости! Не факт, что в таком случае я вообще смогу проснуться в родном, точнее, есть у меня премерзкое ощущение, что уж тогда точно не проснусь».

Я посмотрела вверх на преграждающую мне путь к свободе крышку и подумала внезапно, что, может, оно и к лучшему. А то ведь у меня вполне хватило бы безрассудства найти открытое окошко и отправиться среди ночи исследовать окрестности дома. Нет уж, если я не способна контролировать собственное тело, то придется применять внешнее воздействие.

Главное, чтобы меня в этой бочке завтра все-таки нашли. И еще следовало бы помнить, что за крупные проделки домашних питомцев принято наказывать. Осталось надеяться, что мой случай таковым не сочтут.

И ведь что самое обидное: на дне бочонка, кроме рассола и одного огурца, ничего не оказалось!

Следует заметить, что переполох, который поднялся, когда в бочке из-под солений младший помощник повара нашел маленького дракона, советник позорно проспал. Это был тот редкий случай, когда он позволил себе лишний час сна, а слуги, несмотря на небывалое происшествие, хозяина будить не посмели. Переполох унял дворецкий, резонно предположив, что хозяин всего лишь завел фамильяра. А отчего бы столь знатному господину, как их хозяин, и в самом деле не обзавестись таким полезным существом? Существо же смотрело на суетящихся вокруг людей столь умильно-печальными глазами, что даже самые недогадливые очень скоро сообразили, что найденьша обязательно надо накормить. Впрочем, в животе у насквозь пропахшего рассолом дракончика урчало не менее выразительно.

В результате советник, проснувшись утром, обнаружил полное отсутствие вчерашнего приобретения в пределах видимости и сиротливо валяющийся на полу тазик для умывания. Регди нахмурился. Неприятно было признаваться в собственной оплошности, но он вообще-то довольно слабо представлял, что теперь должен делать с собственным фамильяром. Советник никогда не держал домашних питомцев, если не считать охотничьей собаки в юности. За собакой приглядывали опытные люди на псарне, и теперь он не слишком хорошо знал, какие у него появились обязанности по отношению к дракону. Нет, советник не то чтобы совсем не знал, что делать, знания его были весьма обширными, но, к сожалению, исключительно теоретическими.

В государстве, где фамильяры давно и прочно стали не только признаком высокого положения и достатка, но и частью культуры, считалось неотъемлемой частью хорошего образования прослушать обширный курс лекций о фамильярах. Так что эти лекции входили в обязательную программу обучения юношей из аристократических семей. Но, впрочем, даже простолюдины и деревенские мальчишки, ни разу в жизни не видевшие настоящего дракона, знали о фамильярах достаточно много. Кто в детстве не зачитывался или в крайнем случае не заслушивался историями уличных сказителей о приключениях юного Зели Дарна и его лучшего друга дракончика Лило? Кто в юношестве не читал захватывающие приключенческие и детективные романы, в которых бравому главному герою всегда помогает сообразительный и ловкий фамильяр? Да что там говорить, даже в насквозь засахаренных женских романах, от которых самого советника начинало кривить с первых строк, шустрые фамильяры часто носили юным девам тайные записки, помогали соединиться влюбленным сердцам, а также чудесным образом и весьма ловко спасали любовников от поимки на месте преступления. Так что совсем ничего не знать о драконах, пожалуй, даже сложно. Но вот реального опыта обращения с животным эти знания, к сожалению, не дают совершенно.

Советник абсолютно не умел о ком-то заботиться, и сейчас этот досадный пробел в его образовании создал первую проблему. Фамильяр ночью куда-то сбежал, и Регди понял, что чего-то не учел. Где теперь искать шустрого зверька? Хорошо, если не выбрался из дома, а если все-таки выбрался? Тогда это могло грозить множеством неприятностей, начиная от проблем с легализацией, поскольку не все еще было готово, и заканчивая подмоченной репутацией – от советника фамильяр сбежал, какой позор! – или перепродажей дракона. Конечно, запечатление разорвать нельзя, да и за похищение и перепродажу чужого фамильяра

наказание не меньше, чем за браконьерство, но мошенников, готовых рискнуть, всегда хватает.

К счастью, забеспокоиться всерьез он в этот раз не успел, лишь начал машинально обдумывать, как поступить, если фамильяр все же сумел найти ночью путь на улицу. Однако появился дворецкий, по обыкновению помогающий хозяину с утренним умыванием, и принес пропажу, уже чисто отмытую и накормленную. Дракона тихо сидела на руках старого слуги и смотрела на хозяина невинными глазами младенца. Советник этому взгляду не поверил ни на грош: ему не раз доводилось видеть прожженных мошенников и интриганов, смотрящих такими же невинными глазами. Против ожидания, никакого протеста не последовало, когда советник решил запереть слишком активную дракону в клетку. Лишь честный взгляд сменился на печальный. Советник только мысленно головой качнул – глазищи у зверька большие и влажные, любое выражение демонстрируют четко и ясно, только вот эмоциями она играет слишком уж ярко. На такие дамские уловки он отучился попадаться еще, дайте боги памяти, лет в двадцать. Заодно напрочь отучившись доверять насквозь лживым придворным красавицам.

Как ни странно, пока Регди умывался и завтракал, дракона сидела в клетке тихо, только следила взглядом пристально и неотрывно, при всяком удобном случае стараясь посмотреть в глаза жалобно и укоризненно. Да и потом, поставив клетку в кабинете на край рабочего стола, советник не услышал от фамильяра ни звука, что его, несомненно, обрадовало. Работу никто не отменял – ни полугодовой отчет его величеству, который еще следует проверить в последний раз и кое-что подправить, ни написанных, но еще не отправленных писем, ни более объемную стопку еще не прочитанной корреспонденции. Впрочем, обрадовался советник рано – настороженная тишина и, более того, пристальный взгляд, который ощущался всей кожей, сильно мешали сосредоточиться. И если сам взгляд советник мог бы легко игнорировать достаточно долго, то ощущение нерешенной проблемы откровенно действовало на нервы.

А проблема, надо сказать, была не такой уж незначительной. Закономерно, что, прочно войдя в жизнь и культуру людей, драконы стали такой их важной частью, что выработались неписанные правила обращения с ними. И как водится, подобные неписанные правила иной раз бывают посильнее законов. Так, считалось плохим тоном выйти на улицу с фамильяром на поводке, а того хуже, в наморднике, совсем уж неприемлемым считалось причинять физический вред (некоторые глупцы полагали побои воспитательными мерами). Это говорило о том, что хозяин животного настолько бестолков, что неспособен научить своего питомца простейшим правилам поведения. А еще любому понимающему человеку это говорило о том, что хозяин фамильяра не смог получить от него и трети полезных свойств, которые тот может дать при запечатлении. В условиях, когда и при разведении в питомниках фамильяры остаются своего рода роскошью и символом даже не богатства, а скорее принадлежности к некоему привилегированному обществу, где ревностно следят друг за другом, подсчитывая, кому же фамильяр дал больше полезных качеств, и особым шиком можно полагать попадание в десятку лидеров, любое пренебрежение к этому существу будет осмеяно, и нерадивый хозяин вмиг прослышет неудачником. А для аристократов репутация – это такая важная вещь, которая может повлиять едва ли не на всю твою жизнь, особенно когда король – увлеченный драконолюб, куда там некоторым собачникам, готовым чуть ли не спать в псарне рядом с любимыми питомцами. Черно-синий Тиль имел свое законное место за столом его величества на званных обедах наравне с советниками и гостями. И посмей

только кто-то на это место претендовать!

Советник со вздохом открыл клетку – хочешь не хочешь, а ему придется учиться обращаться с этим существом. Воспитывать. И лучше, чтобы даже слуги не видели, что он держит фамильяра в клетке. Болтать им не запретишь, хоть увольнением грози, слухи все равно пойдут. А уж если они дойдут до его величества, можно и места при дворе лишиться. Но Регди совершенно не представлял, что теперь делать. Воспитание дракона сродни воспитанию ребенка, но детей у советника никогда не было, а если бы и были, он предпочел бы оставить ребенка на попечение няnek, уж они-то с этим справятся прекрасно. В данном случае это не годилось, фамильяр должен привязаться к хозяину, но не к постороннему человеку.

Как-то все это не вовремя сейчас. У советника совсем не было возможности возиться с воспитанием дракона. У него и так-то была довольно насыщенная жизнь, зачастую не оставляющая времени даже на собственный досуг, а сейчас еще и прибавилась серьезная проблема, которую необходимо решить быстро и желательнo скрытно. Регди до сих пор не знал, кто пытался его убить, наслав неснимаемое проклятие. Такая вот интересная ситуация – он понятия не имел, кому могло понадобиться убить его именно сейчас. Враги у советника, конечно, были, куда от них денешься при такой должности? Несмотря даже на то, что его величество Регди никогда особо не жаловал, хотя и уважал в какой-то мере. За честность. Или скорее за то, что его величество считал честностью. Как прогрессивный монарх, он был убежден, что рядом всегда должен быть тот, кто не испугается в должный момент сказать правду в глаза. Советнику пришлось осваиваться с нелегкой и совершенно не свойственной ему ролью правдолюбa. Не самое простое искусство – говорить *нужную* правду в *нужный* момент человеку, властному над судьбой целого государства, пусть не самодуру, да и умом не обделенному, но от этого едва ли легче. Скажешь не то и не тогда, и вместо королевских милостей однажды познакомишься с плахой. Предшественник Регди продержался на этой должности два года, пока не потерял осторожность от мнимой безнаказанности и не начал говорить неудобную правду. На плаху его, однако, не отправили, лишь сослали куда-то на окраину страны с обвинением в оскорблении королевской власти и запретом появляться в столице. Его величество Арил II умел быть снисходительным. Когда ему это выгодно.

Регди занимал свою должность уже пятый год, и при дворе его не любили: за неуступчивый характер, за полное отсутствие подхалимства. Должность обязывает, кто бы еще из этих завистников подумал о том, насколько это сложно – изображать из себя королевскую совесть и тщательно просчитывать, за какую правду тебя хоть и скупо, но похвалят (кто ж любит свою совесть?), а за какую ничего, кроме неприятностей, не проживешь. И главное, не солгать ни словом, уж на такое у его величества чутье было просто звериное.

Советник сам не заметил, как, задумавшись, вновь вернулся к работе, читая и сортируя почту. Важное в одну стопку – прочитать, ответить немедленно, то, что может подождать, – в другую, и самая маленькая стопка – всяческие глупости вроде прошений от неких не внушающих доверия личностей и любовных записок от экзальтированных придворных дам, это и читать не стоит, на растопку пойдет. Свою почту он предпочитал разбирать сам, хотя давно мог бы нанять секретаря. Но посторонним советник не доверял, а из немногочисленных своих людей, заслуживших доверие, не было никого, кого стоило бы ради столь незначительного дела отрывать от куда более важных обязанностей.

От размышлений его оторвала сунувшаяся в очередное письмо любопытная драконья морда, чуть не пропоровшая короткими, но острыми рожками бумагу. За что между этих рожек и схлопотала щелбан.

– Не лезь, – строго велел советник, – все равно же ничего не понимаешь.

И тут же хмыкнул мысленно, поймав себя за разговорами с неразумным зверем. А с другой стороны, даже собаки в человеческой речи что-то понимают, а уж драконы куда как умней собак. В чем советник с некоторым изумлением и убедился, когда дракона вдруг стремительно метнулась по столу, схватила когтистыми лапками лист бумаги и перо, а затем начала им что-то увлеченно корябать, держа неловко и поминутно роняя кляксы. Спустя какое-то время бумага была быстро подсунута советнику под самый нос. Вглядевшись в неловкий рисунок, Регди порядком оторопел: несмотря на сильную корявость и множество клякс, на бумаге ясно и без напряжения угадывалась кривая рожица с ехидно высунутым языком.

«Художественным талантом мой фамильяр уж точно не блещет», – с некоторой растерянностью подумал Регди.

Ночь в бочке прошла вполне благополучно, если, конечно, не считать рассола, в котором пришлось сидеть погрузившись чуть ли не наполовину, и скуки. Единственный огурец я, естественно, съела, ибо не знаю, сколько раз я за последние сутки ела, кормили меня определенно не досьта. Огурец, впрочем, проблемы не решил, но было хоть не так обидно оказаться в этой ловушке, все ж какая-никакая добыча.

Попытка выбраться, как и ожидалось, ни к чему не привела. Даже несмотря на то, что крышка, как потом выяснилось, закрылась неплотно, оставив небольшую щель. Об этом я догадалась, уловив в одуряющем запахе рассола тоненькую струйку свежего воздуха. Если тщательно присмотреться, эту щель даже можно было обнаружить, и не увидела я ее сразу лишь потому, что в кухне тоже было темно и разница в освещении не была так уж заметна. Да только щель эта мне ничем не помогла: взлететь, как уже говорилось, места не хватило, а за гладкие стенки бочонка я просто не смогла зацепиться. Пожалуй, предположения о том, что я вообще смогу добраться до верха бочки, были излишне оптимистичны. Не с моими тупыми и не слишком длинными коготками. Нет, если бы стенки бочки были из мягкой древесины и не такие гладкие, может, что и вышло бы. А так... а так я просидела до утра, пока крышка над моей головой не заскрипела и в бочонок не сунулась чья-то лохматая голова.

Ой, что ж ты так кричишь-то, болезный? Можно подумать, страшное чудовище нашел. Были бы у меня уши, свернула бы в трубочку. Ужас-то какой, и почему у драконов все такое чувствительное? И слух, и обоняние, у меня мало того что от запаха рассола уже голова кружится, так от этого вопля еще и болит. Дальше возник совершенно нездоровый ажиотаж, создалось впечатление, что я тут очень редкая и весьма непростая зверушка. Одно радовало: обращались со мной бережно. Охали, ахали и показывали пальцами, но хотя бы этими же пальцами не тыкали и руками не хватали. Затем пришел немолодой седовласый мужчина со строгим лицом и буквально несколькими словами всех утихомирил. Но что неприятно, местный язык я по-прежнему не понимала. Довольно странное явление: получается, что понимаю я теперь только своего «хозяина»? Это плохо. Придется учить язык, а еще грамоту. Совсем замечательно было бы где-нибудь местный букварик раздобыть. Я прекрасно отдавала себе отчет в том, что в качестве обычного домашнего питомца долго не протяну.

Может быть, в чужом и непривычном теле еще можно как-то жить, но вот жить в отсутствие перспектив и хоть какого-либо общения точно невозможно.

А пока что за неспособностью объясниться с окружающими людьми пришлось использовать мимику, которая, как ни удивительно, оказалась не только весьма выразительной, но и вполне для людей понятной. Это радовало. Во всяком случае, меня накормили, а вот затем начался процесс не слишком приятный. Меня решили вымыть. Нет, я была не против – и запах рассола уже самой порядком надоел, и воду я люблю. Однако же холодная вода в тазике и речка – это две большие разницы, и грубая холстина, царапающая чувствительную чешую – ну что за глупость, скажите мне, чешуя, а чувствительней кожи?! – это не слишком приятно. Счастье, что при всей чувствительности моя чешуя оказалась достаточно прочной, рассол ее не разъел.

Затем меня отнесли к хозяину и вручили из рук в руки. Клетка была вполне ожидаема, я даже не пыталась сопротивляться, послушно позволив себя в ней запереть. Однако же перспектива в любой момент оказаться запертой меня совершенно не устраивала. Тут было два выхода. Сомнительный: попытаться стащить ключик, но вряд ли такой номер пройдет больше одного раза, да и тот не гарантирован. И второй... тоже сомнительный: попытаться объяснить человеку, что я вообще-то существо разумное и поддающееся обучению. Я в общем-то и так собиралась поступить подобным образом, тем более что еще вчера выдала себя с головой, но вот тут до сих пор возникали некоторые сомнения. До какой степени следует демонстрировать свою разумность? Придерживаться выбранного вчера решения изображать сообразительного ребенка или следует показать чуть больше? А главное, каким образом продемонстрировать, что я не только разумна, но и, что гораздо важнее, готова идти на контакт?

Раздумывая над этим вопросом, я тренировала на «хозяине» способность выражать свои эмоции взглядом. Так прекрасно подействовавшие на слуг взгляды им были проигнорированы. Человек равнодушно поставил мою клетку на край широкого письменного стола и, больше не обращая ни на что внимания, занялся своими делами. Что-то сосредоточенно писал, время от времени окуная длинное перо в чернильницу, просматривал какие-то бумаги, затем вложил несколько исписанных листов в желтоватые, украшенные вензелями конверты, капнул некой разогретой над свечой массой на клапаны конвертов и поставил отпечаток. Это сургуч или воск, а может, нечто заменяющее их в этом мире?

Я совсем не ожидала, что меня внезапно выпустят из клетки. Подействовали жалобные взгляды? Мм... что-то не верится, этот человек не похож на того, кто из-за подобных мелочей меняет свои решения. «Хозяин» – надо бы узнать, как его зовут, кстати, – посмотрел на меня весьма задумчиво, весь его вид выражал некоторое сомнение, словно он никак не мог решить, что же со мной делать. С одной-то стороны, в клетке запереть – проще всего, а с другой, по какой-то причине это нежелательно. Мне кажется, или этому человеку от меня что-то нужно? Ну или очень хочется в это верить, потому что так все же спокойней. Я его, честно говоря, совсем не понимаю.

Мужчина, очень скоро забыв про меня, опять вернулся к своим делам. Стало скучно, но выбираться из клетки я немного опасалась, резонно предположив, что, если буду мешать, меня в ней снова запрут. Все-таки не выдержав долгого бездействия, я рискнула осторожно сунуть любопытный нос в бумаги, собственно, лишь для того, чтобы посмотреть, на что похожи местные буквы. За что тут же получила по лбу. И меня осенило! Если говорить и писать я не могу, значит, надо рисовать! Неразумные животные рисовать не умеют. Ну то есть

я вообще-то тоже не умею, но уж что-нибудь, хоть кривенько, изобразить смогу. Сказано – сделано, тело действует очень быстро, только подумать успевай. Единственно, перо держать неудобно, лапы у меня почти как руки, да только пальцы коротковаты и когти ощутимо мешают. А я и так-то невеликий мастер. Нарисовала, сунула под нос мужчине. Тот оторопел, затем высказался относительно художественного таланта.

Демонстративно поворачиваюсь к нему задом, мол, обиделась. На самом-то деле ничего подобного – смысл на правду обижаться? Но как ему еще дать понять, что я человеческую речь понимаю, а не только на интонации реагирую?

Меня примирительно погладили между рожек, а приятно, кстати, теплые человеческие руки по чувствительной чешуе. Жаль только, грубоваты они у него, мозолистые. Странно, вроде бы и человек богатый, дом большой, прислуга. И работает, опять же, судя по всему, больше с бумагой и пером. Отчего мозоли? Ладно, отложим на потом. Сейчас общаться уж как-нибудь. И выудить из этого человека хоть какую-нибудь информацию о моем статусе тут. Надо создать доверительную обстановку. Хм, получится из меня кошка? Разворачиваюсь к мужчине и, стараясь имитировать кошачье движение, трусь об ладонь. Намек был понят с первого раза, меня погладили и почесали под подбородком. А уж когда он сам жестами показал распластать по столу крылья и почесал их у основания, всякие умные мысли о налаживании контакта и общении вылетели из головы напрочь. Ох, я и не знала, что драконы способны издавать такие интересные звуки! Тихое и нежное курлыканье вырвалось из горла самопроизвольно. Какое это, оказывается, удовольствие – почесывание основания крыльев. Что-то именно сейчас мне вдруг очень понравилось драконье тело. И этот человек. Я его почти люблю, давай, чеши-чеши, не отвлекайся. Подождут твои бумажки.

Объяснить малознакомому человеку, что от него требуется, с помощью жестов и каракулей, долженствующих изображать рисунки, задача непростая. Но поначалу я опрометчиво решила, что справлюсь. Не тут-то было. Спустя полчаса я была уже не так уверена в своей способности что-то объяснить. То ли этот мужчина глуп как пробка, то ли мои изобразительные способности ниже критической отметки. В собственной глупости признаваться было трудно, пришлось мужественно списать все на глупость хозяина. Что, впрочем, тоже ничуть не радовало. Нет, эту задачу необходимо как-то решать, чем дальше, тем серьезнее будет проблема с общением. Я задумалась. Почему он никак не может понять моих жестов и рисунков? Ну жесты – ладно, возможно, беспорядочная беготня по столу и тыканье когтистым пальцем в сторону пера, бумаги, собственных глаз и рта несут не слишком много информации. А рисунки? Скептически смотрю на испорченный лист бумаги (для моих художеств выделили только один): кляксы-каракули, каракули-кляксы. Даже я сама с трудом опознала в этом «нечто» смутный контур задуманного. Ну что ж, следует признать, что художника из меня никогда не выйдет, я это еще со школьных времен знаю, когда учитель рисования ставил мне тройки исключительно из жалости. Ну что сказать? И так все понятно.

К тому же, подозреваю, моему хозяину и в голову не могло прийти, о чем именно я пытаюсь его попросить, все же не каждому человеку вот так с ходу придет в голову, что домашний питомец хочет научиться грамоте. Не думаю, что он воспринимает меня настолько разумным существом. Обидно, но закономерно.

Надо нечто более понятное, чтобы подумать что-то другое было просто невозможно. Ну и?.. Я посмотрела на заинтересованно ждущего мужчину. Есть идеи? Взгляд переместился за его спину, на книжные полки. А, есть! Куда уж понятней?

М-да, тело у меня определено быстрее разума: не успела подумать, как крылья распахнулись, толкнув меня вверх, я стремительно метнулась к полкам, зацепилась за понравившийся корешок, потянула на себя и тут же рухнула вместе со своей добычей на голову мужчины. Ох, ну когда же я уже научусь сопоставлять размеры?! Книга оказалась едва ли не в половину меня весом. У хозяина, к счастью, была хорошая реакция, для его, собственно, головы в первую очередь – успел отклониться и поймать меня, затем крепко и от души выразился. Такие слова при женщинах и детях употреблять нельзя. Надо же, а с виду воспитанный человек.

– Ну и зачем тебе книга? – осведомился он, поставив меня обратно на стол.

Прогресс, однако, общается со мной уже не совсем как со зверушкой. Досадно, что ответить нормально невозможно. Ну да ладно, прорвемся. Вопрос задан, попробуем продемонстрировать ответ. Так, по порядку, ясно и доходчиво. Лист бумаги, перо – указать на себя, раскрытая книга – указать на себя. Ну? Понял, нет? Ладно, продолжаем. Я ему даже где-то сочувствую: если бы моя кошка устроила подобную пантомиму, я бы тоже при всей очевидности жестов далеко не сразу поняла, чего она от меня хочет.

Последняя попытка, и я выдохлась. С трудом сажусь на хвост, неудобно, кстати, очень, еще с большим трудом поднимаю раскрытую книгу перед собой, изображая, что собираюсь читать. Даже страничку для наглядности перевернула, едва удерживая этот фолиант лапами. Главное, чтобы книгу не вверх ногами взяла, ибо это конфуз.

О, вот теперь точно понял, по изумленному лицу сразу видно. Однако как он быстро

себя в руки взял, видна богатая практика. Вот изумление на лице, а спустя пару мгновений – полное спокойствие, причем такое очень естественное спокойствие, а не фальшивая насквозь маска равнодушия. Интересное умение.

Запомнить. Подумать над этим.

– Ты хочешь научиться читать? – Уже не вопрос, почти утверждение.

Сообразительный ты мой! С энтузиазмом киваю несколько раз. А вот книжечку надо было положить сначала, лапы-то и так держать устали, тяжелая она, да и великовата для моих карликовых габаритов. Наверняка энциклопедия какая-нибудь, они в основном бывают такими объемными.

Мужчина со смехом вынул меня из-под книги. Вернул тяжеленький фолиант на место.

– Пожалуй, столь высокоумные труды тебе изучать еще рано, груз знаний раздавит. Я подумаю относительно обучения.

Юморист. А ну как обижусь сейчас? Обидеться не получилось, все-таки очень приятно, когда тебя гладят. Скоро я почувствую себя настоящей кошкой, потому что какой из меня дракон с такими наклонностями?

Потом мужчина вспомнил, что надо дать мне имя. Я с этим мнением была не согласна. Познакомиться конечно же необходимо, желательно взаимно, а вот менять имя я не намерена. Вполне вероятно, что он решит назвать меня по-своему, однако откликаться я вряд ли буду. Кажется, мне удалось вполне ясно донести эту мысль до хозяина. Впрочем, подозреваю, ему и самому не слишком хотелось напрягать свою фантазию, чтобы придумать мне подходящее прозвище. Так что в следующие полчаса мы играли в угадайку по буквам. В итоге сошлись на Кэт. Я осталась недовольна, но, похоже, если не уступлю, меня вообще обзовут как-нибудь неприлично, да так и останется. Мужчина категорически отказался продолжать эту увлекательную игру, когда имя стало длинней пяти букв. Заявил, что не собирается ломать язык, произнося эту длинную чушь. Ну это он изрядно преувеличил, можно подумать, мое полное имя так уж труднопроизносимо. Впрочем, да, человеку, разговаривающему на совершенно другом языке, нежели тот, что знаком мне, это действительно непросто. Признаю, переборщила немного, пусть будет Кэт.

Потом я попыталась выяснить его имя, а то все «хозяин» да «хозяин», не слишком приятно, я не вещь все-таки. Знакомились классическим способом дикарей, не знающих языка. Ткнуть пальцем и посмотреть вопросительно. Для пушного эффекта и самой бы не мешало представиться, но тут уж не судьба. Впрочем, меня и так великолепно поняли. А имя у него оказалось довольно красивое. Ингельд. Что-то скандинавское напоминает и упорно ассоциируется со льдом. Мне всегда было любопытно, влияет ли имя на характер того, кто его носит?

Общение с фамильяром советника изрядно позабавило, он даже не пожалел, что потратил на него некоторое время в ущерб работе. Никак не ожидал, что это может оказаться столь любопытным процессом. Это могло бы продолжаться еще долго, если бы не появление гостя.

Тихо вошедший в кабинет дворецкий поклонился, дождавшись, когда на него обратят внимание, и сообщил о прибытии графа Лайра.

– Граф ожидает в малой гостиной, – с поклоном доложил дворецкий.

– Подайте графу легкое вино, я буду через несколько минут.

Заставлять графа ждать Регди не собирался, и не только потому, что тот был

начальником тайной стражи, скорее совсем не потому. Асмунда Лайра советник знал с детства, и по сей день они оставались хорошими друзьями. А также деловыми партнерами: Асмунд не отказывался от некоторых совместных махинаций, если те не шли в ущерб короне, что, впрочем, нисколько их дружбе не мешало.

Граф Лайр, высокий широкоплечий блондин с простодушным лицом, совершенно не соответствующим представлению о человеке его должности и положения, сидел в глубоком кресле и с удовольствием пил вино.

– Такими темпами ты когда-нибудь все же сопьешься, Ас, – вместо приветствия сказал советник.

– С полкувшина-то вина? – скептически уточнил Лайр. – Твой дворецкий просто невероятный скупердяй. Этот кувшин можно осушить за два глотка, так он еще и неполный.

– Мой дворецкий слишком хорошо знает, сколько может поместиться в твою бездонную глотку, потому спасает мое состояние, – отбил это обвинение Регди. – Ты ведешь себя как невоспитанный наемник, а не наследник древнего рода.

Асмунд улыбнулся, словно получил ожидаемую похвалу. Он уже давно забавлялся игрой в рубаху-парня и вышивоху. Те, кто сталкивался с графом Лайром впервые, и подумать не могли, что этот с виду простоватый здоровяк и есть начальник тайной стражи. А о том, насколько он бывает хитрым, изворотливым и жестким, знали лишь те, кто имел несчастье привлечь его внимание по службе. А также близкие друзья, каковых на этом свете было всего лишь двое, включая советника. Впрочем, третьего друга они не видели уже несколько лет.

– А ты, смотрю, все еще живой, пройдоха, – добродушно заметил Асмунд. – И даже фамильяра раздобыл.

Регди проследил за взглядом друга: в дверную щель просунулась любопытная чешуйчатая мордочка. Советник только поморщился: он не догадался запретить фамильяру выходить из своих покоев, теперь уже было поздно.

– Один из моих должников решил отдать долг таким образом. – Дружба дружбой, а прямо признаваться в совершении преступления начальнику тайной стражи по меньшей мере опрометчиво. Да и о чем не знаешь, о том никому не скажешь.

– Долг, говоришь, – понимающе ухмыльнулся граф. – Очень вовремя, тебе сказочно повезло.

– Ты по делу пришел или в очередной раз разорить мои винные погреба? – осведомился советник, проигнорировав прозрачный намек.

– А ты стал таким же скупердяем, как твой дворецкий? – привычно отшутился граф. Впрочем, взгляд у него был трезвый и предельно серьезный. – Во что ухитрился вляпаться, Ингельд?

Прямой вопрос без всяких экивоков. Советник вопросительно выгнул бровь, предлагая другу уточнить свой вопрос.

– Я по твоей просьбе занялся небольшим частным расследованием, и знаешь, что накопили мои люди?

– Откуда же мне это знать? Или ты предполагаешь, что мои люди есть и в твоём ведомстве?

– С тебя бы случилось, – недовольно отозвался граф. – Ингельд, дело серьезное. Я вынужден начать расследование этого дела официально, как бы тебе ни хотелось обратного. За последние две седмицы от неснимаемого проклятия умерли двое сановников его величества, и третий не протянет и несколько дней. Причем этот третий все же пришел в

тайную стражу и написал официальную жалобу. Теперь я вынужден начать расследование, но его это вряд ли спасет. Ингельд, я бы поверил, что это совпадение, но мои люди уже нашли место, где проводился ритуал. Эксперты предполагают, что там было наложено по меньшей мере три-четыре проклятия. Я сильно сомневаюсь, что ты удостоился отдельного ритуала. Кому ты перешел дорогу, друг?

– Гораздо интересней, кому перешли дорогу остальные пострадавшие и как я попал в их число. – Советник только сейчас заметил, что продолжает стоять посреди комнаты, сел на один из низких диванчиков, к нему под бок тут же скользнула Кэт, поблескивая настороженными и любопытными глазами на графа. – Если проклятием наградили не только меня, вряд ли это можно считать личной мстостью кого-то из недоброжелателей. Ас, кто остальные пострадавшие, если не секрет?

Асмунд чуть неопределенно качнул головой, но все же не стал утаивать информацию.

– Второй заместитель министра финансов. Герцог Дейрон. Да, тот самый, замок которого его величество обещал посетить через полгода. И личный секретарь его высочества принца Эйрика. Последний пока еще жив.

– И у него есть шанс выжить, если вовремя достанет фамильяра, – задумчиво сказал Регди, пытаясь сопоставить всех жертв проклятия. Разные люди, герцог Дейрон наверняка даже не был знаком с заместителем министра финансов и секретарем принца. Сам Регди лишь поверхностно знал заместителя министра и дважды видел герцога Дейрона. Последний приезжал в столицу крайне редко, предпочитая проводить время в своих довольно обширных владениях. Там у него был уникальный конезавод, таких лошадей не разводили больше нигде в стране.

С секретарем принца советнику общаться приходилось не раз. Разные люди, разные интересы. Где взаимосвязь? Он вопросительно посмотрел на друга.

– Я работаю, – недовольно ответил тот.

Советник промолчал, догадавшись, что Асмунд тоже пока не видит никакой связи и это задевает его профессиональную гордость.

– Относительно того, что у секретаря есть шанс выжить, ты, думаю, погорячился. Принц мог бы поспособствовать тому, чтобы его помощник получил фамильяра вне очереди, но сейчас в питомниках нет ни одной кладки, которая вылупится раньше, чем проклятие убьет его. Это только тебе повезло... – граф многозначительно усмехнулся, – с должником.

– Тем не менее драконы рождаются не только в питомниках, – отозвался Регди, машинально поглаживая сидевшего у него под боком фамильяра. Кэт прислушивалась к разговору, вертя головой, но затруднительно было сказать, поймет она что-нибудь из услышанного или нет. – Мага, накладывавшего проклятия, еще не нашли? – поинтересовался советник, вовсе не надеясь на положительный ответ.

– Ты наивно полагаешь, что он не спрятал все следы? Ищем, однако вовсе не факт, что найдем. Маг более чем наверняка был лишь исполнителем, и, опираясь на свой опыт, могу сказать: есть большая вероятность, что его уже нет в живых. Впрочем, искать, конечно, будем. Собственно, я пришел лишь для того, чтобы сообщить, что замалчивать это дело или расследовать в частном порядке уже не получится. Так что подумай, пока есть такая возможность, будешь подавать официальную жалобу или сделаем вид, что ты к этому делу не имеешь никакого отношения.

– Предпочту остаться в стороне, – пожал плечами советник. – Не было никакого проклятия, а фамильяр, как я уже говорил, достался мне в уплату долга. У тебя есть другие

пострадавшие, вот с ними и работай. Только, Ас, держи меня в курсе дела.

– Непременно, – серьезно пообещал граф. – Ну что ж, мне пора. Да, едва не забыл, ты бы появился при дворе, его величество недоволен твоим двухдневным отсутствием.

– Непременно, – в том же тоне ответил советник.

Граф ушел, а Регди, рассеянно потрепав по голове любопытную Кэт, вернулся к работе. За сегодняшний день все же слишком многое нужно было успеть. А в первую очередь – срочно отправить письмо графу Сенжу, следует прикрыть тылы до встречи с королем. К сожалению, обычным путем письмо будет идти чересчур долго. Придется воспользоваться помощью мага. На службе у советника не было своего, подобную роскошь мог позволить себе лишь король. Однако был человек, который за определенную плату соглашался оказывать некоторые услуги, не задавал лишних вопросов и умел держать язык за зубами. Оставалось лишь отправить верного человека с письмом и деньгами к магу.

У меня закралось неприятное подозрение, что этот человек совершенно не умеет ни о ком заботиться. И я имею в виду не столько домашних питомцев, сколько вообще окружающих его людей. Впрочем, может, это его неумение распространяется лишь на меня, но все же думаю, если бы он умел заботиться об окружающих, то не забывал бы об элементарных вещах. Он с интересом наблюдал за тем, как я пытаюсь наладить с ним общение, этакий естествоиспытатель, неожиданно наткнувшийся на необычную зверушку, но тем не менее он совершенно не думал об элементарных вещах, которые необходимы любому живому существу. О том, например, что питомцу нужно питаться, или же, извините, об обратных процессах. О том, что даже хомячку необходимо некое «свое место», где можно скрыться от окружающих или хотя бы просто поспать. Об этом я успела подумать, когда Ингельд (не хочу называть его хозяином, раздражает) ушел, вызванный куда-то уже знакомым мне пожилым человеком, которого я после некоторого колебания обозначила как дворецкого. Вот как раз дворецкий ничего не забывал, он еще утром показал мне, где можно при желании получить еду и все остальное необходимое тоже. Однако же было у меня вполне обоснованное подозрение, что это его личная инициатива, а вовсе не приказ хозяина. Своей личной территорией я после недолгих размышлений решила считать привычное кресло в хозяйской спальне. Оно при моих размерах вполне сойдет за широкую кровать. Надо только подушку себе раздобыть, и будет совсем хорошо.

Спустя пару минут я поняла, что сидеть на столе и размышлять над своими бытовыми проблемами мне откровенно скучно. Зато очень любопытно, куда ушел Ингельд. Пойду-ка гляну, выходить из комнаты мне ведь не запрещали. Не сказать чтобы я так уж серьезно могла отнестись к подобным запретам, но именно сейчас предпочла бы послушаться, хватит с меня клетки на сегодня.

Высунувшись за дверь, я принялась и довольно легко вычленила из общей массы запахов один нужный. Все же стоило лишь немного пообвыкнуться в этом теле, и я с легкостью начала пользоваться его возможностями так, словно для меня это вполне привычно.

Следуя за нужным запахом, осторожно сунула нос в щель, образованную неплотно прикрытой дверью. Выходить из комнаты мне, конечно, не запрещали, но, однако, не факт, что этот запрет не подразумевался сам собой. Учитывая предыдущие размышления о неспособности моего так называемого хозяина заботиться о ком-либо, он вполне мог забыть озвучить такую незначительную мелочь, как запрет выходить из комнаты или, скажем,

показываться на глаза посторонним людям. Упс, поздно! Крупный блондин, сидящий в кресле, заметил мою торчащую из щели голову и что-то сказал. Ингельд непонятно ответил насчет долга, который ему якобы кто-то отдал. Это он обо мне или показалось? Непонятно пока, но ругать меня никто не собирается, послушаем, раз не гонят.

К сожалению, я понимала ровно половину разговора, правда, иногда у меня создавалось странное впечатление, что я словно бы слышу у себя в голове слабое эхо некоторых слов, которые произносил собеседник Ингельда, и тогда они были мне понятны. Но это были лишь обрывки, трудноопределимые в общем контексте разговора. Однако и из половины услышанного можно было сделать несколько интересных выводов. Так, например, в этом мире есть маги, или же люди всерьез верят в их существование, на Ингельда кто-то наложил проклятие, и не только на него, ибо есть еще некие «пострадавшие». Драконов тут, помимо всего прочего, еще и разводят в питомниках, а значит, их должно быть много. Так, что еще, ага, я, оказывается, вовсе не домашний питомец, а аж целый фамильяр. Что бы это ни значило.

Что я знаю о фамильярах? Совершенно ничего, слово понятное, но суть этого понятия от меня ускользает. Попытка напрячь память ничего, кроме смутных и не вполне понятных сведений, не принесла. Вроде бы фамильяр – это такое волшебное существо, связанное с хозяином и дающее ему некие полезные свойства. Хорошо, предположим. Значит, я ценный зверек, и со мной должны хорошо обращаться. Пока что это подтверждается.

Ингельд давно ушел в свой кабинет, велел напоследок и не пытаться выбраться из дома. Ладно, не буду, мало ли что со мной там сделают, с маленькой и ценной, и я, подгребя под себя небольшую круглую подушку и распластав крылья, принялась думать дальше.

Момент первый, требующий разбирательства: вчера Ингельд едва не умер от странного приступа, сегодня он даже не вспоминает о своем лекарстве. Странно для серьезно больного человека, но сегодня он таковым не выглядит. Внезапно выздоровел? Почему?

Момент второй: проклятие. Есть тут магия или нет? Странная болезнь, внезапно прошедшая без всяких последствий. Проклятие? Или никакой связи? Ах да, а прошла ли болезнь или же приступы имеют большую периодичность?

Заметка: не забывать об эффекте плацебо. Ингельд мог думать, что на него наложено проклятие, и от этого едва не умереть, и также он мог думать, что проклятие каким-то образом снято. Он в общем-то не выглядит человеком мнительным, но кто его знает, местный менталитет. Если тут все верят в магию, то должны верить и в ее эффект.

Момент третий: по предпоследней фразе, сказанной Ингельдом своему гостю, можно сделать вывод, что фамильяры и проклятие как-то связаны. Один из полезных бонусов, которые я должна давать своему хозяину, или имелось в виду что-то иное?

Выяснить, насколько я полезна в качестве фамильяра и зависит ли эта польза от моего желания или проявляется сама по себе, от одного лишь моего присутствия?

Так, цель поставлена. Вот над этим и подумаем пока что, а там видно будет.

Скука – страшная сила и двигатель прогресса. Меня она, правда, ни на что такое не подвигла, кроме откровенных глупостей. Но уж лучше так, чем бестолково сидеть и непонятно чего ждать. Ингельд опять занялся своими важными делами, а мне предлагалось терпеливо дожидаться, пока он соизволит обратить на меня внимание. Нет, я, конечно, прекрасно понимаю, что человек он занятой и вряд ли у него есть время, чтобы развлекать меня целыми днями. Я ничего подобного и не ожидала. Однако же непоседливый драконий характер, перекрывающий даже мою обычную сдержанность, просто не позволил бездельничать больше часа. Да и то чудо, что утерпела так долго. Впрочем, мне было о чем поразмышлять, вот на это час и ушел. А дальше стало совсем грустно: в юном крылатом теле бурлила кипучая энергия, искала выхода и требовала действий, но я понятия не имела, на что ее применить без вреда для собственного здоровья.

В сущности, единственное, что я сейчас могла сделать, это обследовать как следует дом. На улицу мне выходить запретили, да я и сама понимала, что делать это в одиночку – дело рискованное. Зато ходить по дому мне никто не запрещал. А первым делом я, пожалуй, навещу кухню, что-то мой маленький, но активный организм слишком быстро переварил недавний завтрак. Вот, кстати, еще одна странность, на которую стоит обратить внимание: вчерашний день я провела практически без еды, к ночи проголодалась, но не сказать, чтобы так уж сильно. То есть вполне можно было терпеть, и на ночной промысел я пошла не столько из-за одолевающего голода, сколько из природной непоседливости. Уж не знаю, обладают подобным взрывным характером все драконы или же это присуще только таким малышам, в теле которого оказалась я. Хотя есть у меня ничем не обоснованное предположение, что все же это присуще всем драконам. Уж больно быстрое и энергичное мое нынешнее тело. При желании я могу развивать довольно большие скорости, настолько, что, как колибри, зависаю в воздухе. А те, между прочим, машут своими крылышками так, что движение сливается в сплошную полосу. Подозреваю, что при некотором старании я даже по воде бегать смогу, но, к сожалению, проверить это в ближайшее время не получится. И не факт, что, когда подрасту, не стану немного помедленней.

Там посмотрим, сейчас неактуально. Я все это к чему? По моим наблюдениям, маленькие существа вроде мышей-полевок и тех же колибри отличаются тем, что просто не способны долгое время сидеть на одном месте. Физиология у них такая, и все дело в скорости метаболизма. Так вот, я зверек вроде бы не настолько мелкий, но каков мой метаболизм, неизвестно. А только сидеть долго на одном месте для меня физически трудно. Однако вот весь вчерашний день я вынужденно просидела почти без движения в клетке и есть не хотела, зато вечером, активно подвигавшись, голод ощутила. Взаимосвязь очевидна? Более чем! Значит, идем кормить подрастающий организм.

Кухня, как и ожидалось, днем оказалась самым оживленным местом в доме. Там суетились повара под руководством невысокого, толстенького, как колобок, мужичка, явно главного повара. Там же за широким столом сидели не занятые работой слуги и что-то увлеченно обсуждали. Жаль, что я не понимаю, о чем они говорят, такая возможность узнать разом все новости пропадает! Тут же крутилась пара детей – девочка и мальчик, на первый взгляд десяти и шести лет соответственно. Похоже, некоторые слуги в этом доме не только работают, но и живут, иначе детей бы здесь не было. Ну логично вообще-то, мало ли что

хозяину может понадобиться в любое время дня и ночи.

Приняли меня приветливо, даже, можно сказать, радостно, что, честно говоря, несколько удивляло. Накормить, естественно, не отказались, скорее наоборот, я об этом даже намекнуть не успела, как мне все предоставили, к тому же в большом ассортименте. Кажется, люди не совсем уверены, что я выберу, то ли не знают, чем питаются драконы (сомнительно все же), то ли я такой ценный зверь, что их интересуют мои вкусы. Это хорошо, потому как я-то тоже понятия не имею, чем питаются драконы, и пора бы с этим разобраться. Тут ведь какое дело – судя по полному набору клыков, я должна быть натуральным хищником, но тем не менее прекрасно помню, как ела бруснику в лесу, и соленый огурец показался вполне даже аппетитным. Причина, может быть, в моей человеческой памяти, а на самом деле подобные продукты в рацион драконов не входят. Однако сомнительно что-то. Попробуй накорми дикого хищника овощами – и несварение желудка случиться может. А домашние кошечки и собачки иногда проявляют экзотические вкусы, лопают соленья с превеликим удовольствием. Моя Маруська, например, обожает клубнику со сметаной и сахаром, хотя к просто сметане относится с несвойственным для кошки равнодушием. Так что тоже имеются варианты. Вот сейчас и проверим опытным путем.

Как и ожидалось, мясо мне весьма понравилось, причем и сырое на вкус не показалось отвратительным, то есть в принципе я могу есть и его, но выбрала все же вареное. Не из-за вкусовых качеств даже, а исключительно из эстетических предпочтений. Человеческие привычки никуда не делись. Также понравился пирог с какой-то кислой ягодой и овощ, напоминающий мелкий помидорчик (на вкус тоже), а вот что категорически не понравилось, так это соленая рыба и засахаренные фрукты. Вкус у этих продуктов показался слишком резким и до отвращения неприятным. Можно сделать вывод, что чувствительность драконов сыграла свою роль и тут, слишком сладкое или слишком соленое я есть не могу. Еще приходилось ориентироваться на запах, кое-какие продукты не нравились мне по этой причине. Например, копчености. Обидно, раньше я такое любила. Ну и похоже, я все-таки всеядная с уклоном в хищника, есть могу и растительную, и животную пищу, но предпочту животную даже в сыром виде. Логично. Можно даже предположить, чем питаются драконы в природе: наверняка мелкими птичками, ящерками и змеями, их проще всего добыть в горах, к тому же разбавляют свой рацион птичьими яйцами и всякой зеленью в окрестных лесах. Интересно, крупные орлы в тех горах водятся? Возможно, что драконы занимают как раз эту нишу в смысле охоты. Хотя это все же лишь предположения, узнать, как дело обстоит на самом деле, не представляется возможным.

Однако еще одно небольшое исследование своего организма можно считать успешным. А то ведь сначала даже сомневалась, теплокровное я животное или рептилия. Ума не приложу, как это изнутри ощущаться должно, как разницу понять? Все-таки пришла к выводу, что я теплокровная. Оно и к лучшему, рептилий не очень люблю.

После небольшого перекуса я очень быстро опять заскучала. Делать вновь было совершенно нечего, для толковых размышлений над ситуацией информации катастрофически мало, местные сплетни не слушаешь – языка не знаю. А к тому же до меня только сейчас дошла вся сложность ситуации. Я ведь и грамоте учиться не смогу из-за незнания языка. Даже если меня Ингельд учить будет, читать-то надо на местном языке, а то, что я понимаю из его речи, кажется мне русским, хотя, если напрячься и прислушаться, говорит он все же на местном. Значит, надо просить его научить меня языку. Ага, а как? Тут

и с грамотой чуть не надорвалась, так и он не с первого раза понял. Если попытаюсь изобразить пантомиму вроде «научи меня разговаривать», так тем более не поймет. Драконы-то не разговаривают, а в том, что человеческую речь я понимаю, Ингельд уверен. Да и вообще, человек занятой, вряд ли у него будет время возиться с моим обучением. Охохонюшки!

Значит, опять все сама, ох, и до чего хочется проснуться в своей постели, в родном человеческом теле и забыть все эти проблемы. Дракончиком, конечно, быть очень интересно, но вот, честное слово, обошлась бы я прекрасно без этих проблем. И не надо говорить, что у меня жизнь была скучная. И слава богу, что была, я вообще не сторонник перемен и без всяких приключений спокойно бы обошлась. И так неплохо жилось. А теперь вот приходится ломать голову над мелкими бытовыми проблемами, которые плавно перерастают в настоящую катастрофу. Эх, знать бы еще, есть ли шанс вернуться в родное тело или тут надо на всю оставшуюся жизнь устроиваться?

И все же как быть с изучением языка? Я задумчиво скользнула взглядом по любопытно таращащимся на меня детишкам и едва не подпрыгнула от внезапно пришедшей идеи. Ну конечно же дети. Я гений! Ну ладно, просто умница. Изучение любого языка начинается с запоминания отдельных слов, с этой задачей и детишки справиться способны. А мне ведь нетрудно с детишками поиграть, правда?

В общем, объяснить двум обормотам, что от них требуется, оказалось несложно. Игра тоже была простой. Собирая в кучку какое-то количество предметов, мне внятно и четко называли каждый, потом переставляли их в произвольном порядке и опять называли любой на выбор по очереди. А я должна была на этот предмет указать. Запомнить все слова удавалось не с первого и даже не со второго раза, но, как ни странно, процесс шел довольно быстро. А когда дважды правильно указывала все названные предметы, часть из них заменялась на другие, и все начиналось сначала. Всем было весело, я старательно запоминала слова, детишки покатывались со смеху от моих ошибок, чувствуя себя чуть ли не настоящими дрессировщиками.

Затем игру усложнили, включив в нее не только мелкие предметы, но и крупные, вроде стола, лавки... и главного повара, колобком катающегося по кухне. Тут уж мне пришлось бешеным стрижом носиться по помещению, огибая препятствия, ведь нужно было еще указать на названный предмет, показывая, что правильно поняла, а значит, коснуться его. Дальше игра пошла на время, которое один из детишек отсчитывал вслух. Так я попутно выучила и цифры. Аж до пятидесяти, дальше не считали, потому что за это время я успевала коснуться всех названных предметов. Сделать, что ли, все помедленней? Но тогда будет совсем неинтересно ни мне, ни остальным. А к нашей веселой игре, которой увлеклась уже и я сама, присоединились все свободные от работы слуги. Подшучивая, смеясь над моими ошибками и пряча нужные предметы прямо по ходу игры, чем сильно усложняли задачу. На ругань главного повара и грозное потряхивание поварешкой никто внимания особенно не обращал. Было весело, и никто не собирался так просто прерывать развлечение.

Сообразительные детишки, заметив, что, если четко произносить название предмета, я слишком быстро его запоминаю, начали вставлять это название в длинные фразы. Тут оказалось гораздо трудней, я этих фраз не понимала совершенно, чтобы вычленить единственное знакомое слово, приходилось поднапрячься. Но смекалистые дети все равно порадовали, ведь мы не в последний раз так играем, а значит, чем сложнее построения, тем больше я выучу.

Не обошлось и без смешных казусов. А как же. В любом языке есть однокоренные или близкие по звучанию слова, немудрено перепутать. Например, колпак повара и подол служанки оказались очень даже похожи по звучанию. Забавная такая ошибка, ну и повод для небольшого хулиганства, признаюсь уж честно. Вспомнила вдруг знаменитую фотографию Мэрилин Монро. Вспомнила буквально на лету, посему решение похулиганить было спонтанным, тем более что служанка стояла уж очень удачно. Ну а тело уже действовало само: резко снизить высоту, пролетая у самого пола и стараясь не зацепиться крыльями за чьи-нибудь ноги (ну и маневры, аж дух захватывает), цапнуть лапой низ куполообразной юбки – и вверх!

Девчонка-служанка с визгом ловит взметнувшуюся вверх юбку (симпатичные панталончики, кстати, в цветочек), остальные хохочут, я пытаюсь выровнять полет, чтобы не влипнуть в красного от гнева главного повара: он от безобразий, творящихся на родной кухне, был уже почти в невменяемом состоянии. Еле успела сманеврировать, сбив с головы толстячка белый накрахмаленный колпак и обдав потную лысину ветром от бешено работающих крыльев. С приземлением я самую малость не рассчитала, все же инстинкты далеко не всегда заменяют опыт, а опыта по таким хитрым воздушным маневрам у меня на самом деле маловато. Тут еще этот колпак в лапах, явно лишняя деталь. Проехала по широкому кухонному столу животом, так еще и нырнула головой в злополучный колпак. Пришлось срочно выпутываться, получалось, правда, как-то наоборот. В процессе выпутывания я ухитрилась залезть в колпак почти наполовину, да еще и проткнуть в нескольких местах рожками и шипами гребня – последние были короткими, но зато частыми и острыми.

Ну вот, чувствую себя котенком, заигравшимся с клубком и запутавшимся в нем. Тем более что выпутываться из этого колпака пришлось примерно тем же способом, стаскивая передними и задними лапами. А он словно специально цепляется!

Смех вдруг разом затих. Я испуганно замерла, прислушиваясь к напряженной тишине. Кажется, что-то случилось. А что у нас может такого внезапного случиться? Почему-то вспомнилось, как замолкал наш развеселый девичий отдел, стоило шефу нагряться с внезапной проверкой (что за отвратительная привычка у человека, а?).

«Значит, начальство пожаловало, – сделала я вывод, спешно выпутываясь из проклятого колпака. – А кто у нас начальство? Дворецкий? Сомнительно, утром он тоже наводил порядок, когда меня в бочке нашли, но так странно на него не реагировали. Значит, начальство пострашнее, а пострашнее у нас... упс!»

Выпутавшись наконец, я настороженно обернулась, понимая уже, что угадала на все сто. Да уж, могу поспорить, что прежде эта кухня ни разу не удостоивалась такой чести, как посещение хозяина дома. И если я хоть что-нибудь понимаю в этой непростой жизни, всех нас в скором времени ждет большой нагоняй. И меня, и бессовестно отлынивающих от работы слуг, и даже возмущенного происходящим в его вотчине безобразием главного повара вкупе с командой поварят. Не думаю, что Ингельд будет самолично отчитывать слуг, но вот дворецкий, стоит только ему уловить малейшее недовольство хозяина, пропесочит всех с особым тщанием. Ну а мне лично от хозяина достанется, найдет за что. Начальство всегда находит.

Так дело не пойдет, мне ведь могут и запретить общаться с прислугой или же они сами этого не захотят, если поймут, что от меня слишком много неприятностей. Совсем не годится, возникнут проблемы с обучением языку, да и общения все же хочется, а поскольку

выходить из дома мне нельзя, общаться возможно только со слугами.

Так, надо Ингельда срочно отвлечь, пока он не успел ни на что рассердиться. И зачем он вообще сюда пришел? Не хозяйское это дело – по кухням ходить!

Быстро перелетаю со стола на плечо Ингельда – кстати, тот еще маневр, успеть сложить крылья и приземлиться, не вцепляясь в человеческую плоть когтями – и пытаюсь по-кошачьи потереться об его щеку. Ой нет, рожки! Ладно, меняем план, обнять за шею лапами. «Мур». Получилось скорее что-то между курлыканьем и урчанием, но тоже неплохо. Ингельд снял меня с плеча и машинально почесал между рожками. Ну что ж, можно считать, сработало. Были сомнения, все же он не производит впечатления сентиментального человека, умиляющегося, глядя на пушистого котенка или толстолапого щенка. А я именно на это ставку и делала.

Ингельд развернулся уходить, когда нам вслед в полной тишине что-то сказал жалобный детский голосок. Я разобрала только слово «игра», но догадаться, о чем речь, было не столь уж сложно. Девочка спрашивала, сможем ли мы еще поиграть. Храбрая, кроме нее, никто больше не решился заговорить в присутствии хозяина. Я подергала Ингельда за рукав и, дождавшись, когда он обратит на меня внимание, состроила максимально просительную мордочку с жалобными глазами и даже лапки сложила в молитвенном жесте. Вся моя поза явственно выражала лишь одно: «Ну пожа-а-алуйста!»

Ингельд улыбнулся:

– Ладно, можешь играть с детьми. А сейчас мы едем во дворец.

Закончив с отчетом, советник устало расправил плечи, с хрустом размял шею и удовлетворенно откинулся на спинку кресла. Бумажная работа никогда не была для него чем-то тяжелым, Регди обладал усидчивым и ровным характером, долгое занятие чем-то однообразным его не нервировало. Хотя часть подобной работы все же брал на себя секретарь, прикрепленный к советнику во дворце. Но личные бумаги Ингельд ему не доверял.

Что ж, с письмами он закончил, с отчетом его величеству тоже. Пожалуй, пора и дворец посетить, прав Асмунд. И ежевечерний прием для этого подойдет как нельзя лучше: его величество там бывает редко, зато большинство придворных малый прием стараются не пропускать. Никакой работы, лишь показаться в обществе, послушать сплетни, чтобы знать, чем нынче живет двор, даже двухдневное отсутствие в его случае уже много, и, да, продемонстрировать наличие фамильяра. С этим не стоит медлить, поскольку завтра фамильяра придется представить его величеству. Такую новость король ни в коем случае не упустит, и значительно лучше, если ее донесут до него придворные вместе с разработанной уже легендой, которую сегодняшним вечером советник аккуратно запустит в общество с помощью некоторых сплетников.

Неторопливо переодеваясь в изукрашенный золотой вышивкой камзол и пристегивая к поясу парадный меч (не такая уж и бесполезная игрушка, как выглядит) в нарядных ножнах, он обдумывал, кого из придворных сплетников стоит использовать для своих целей и что именно говорить. Легенда уже проработана, но нелишне повторить в уме, все же покупка фамильяра у браконьеров – поступок исключительно незаконный, здесь нельзя ошибиться или сказать нечто компрометирующее. Именно сейчас, когда все так удачно складывается, советнику совсем не хотелось отправиться в изгнание. Или просто махом лишиться должности, если король проявит снисходительность в связи со смягчающими

обстоятельствами.

Собрался советник привычно быстро и без помощи слуг. Он вообще не слишком любил посторонних в своих личных покоях. Кроме старого дворецкого, к которому Регди привык с детства, и столь же немолодой служанки, следящей за порядком, сюда больше никто не допускался.

Со сборами было покончено, а вот теперь предстояла непростая задача – найти непоседливого фамильяра, опять исчезнувшего в неизвестном направлении. Регди сам себе не смог бы объяснить, почему он не приказал найти дракончика кому-то из слуг, а отправился на поиски самостоятельно. Наверное, ему было просто любопытно своими глазами увидеть, куда успела сунуть свой любопытный чешуйчатый нос Кэт.

До кухни он добрался, пожалуй, больше благодаря интуиции, чем понимая, где следует искать фамильяра. В служебных помещениях дома или на половине для слуг он был в лучшем случае дважды. Впрочем, в какой-то момент советник уже шел на шум и громкий смех, поддавшись любопытству, и успел как раз к моменту шалости с юбкой служанки и срывания колпака с повара. Сразу его не заметили, однако, когда все же заметили, Регди испытал некоторую досаду. Наблюдать за фамильяром было занимательно, уж во всяком случае гораздо интересней, чем общаться с придворными во дворце.

Кэт, видимо решив, что ее сейчас будут ругать, начала активно подлизываться, при этом состроила такую невинную и в то же время хитрую мордашку, что советник едва удержался, чтобы не рассмеяться. Чего только стоили молитвенно сложенные лапки и умоляющие глаза. Умный и сообразительный фамильяр у аристократов всегда был предметом гордости, не говоря уж о том, что можно приобрести определенный вес в «клубе драконовладельцев», образовавшемся при дворе с легкой руки его величества. Регди уже успел прикинуть, какие дивиденды можно получить от вступления в это закрытое сообщество, куда принимали лишь тех, у кого есть фамильяр, и никак иначе.

Королевский дворец, как обычно к наступлению вечера, был наряжен во множество огней. Обширный парк тоже освещен весьма ярко, а большой фонтан еще и весело журчал разноцветными струями, раскрашенный радужными огнями. Выглядело красиво, любопытная Кэт высунула мордочку в окошко кареты и замороженно наблюдала за этим танцем воды и света. Даже когда он шел к дворцу, она старательно выворачивала голову, а затем и вовсе просунула ее ему под мышку, чтобы лучше видеть. Так он и вошел в малый бальный зал, с небрежно зажатым под мышкой драконом. И конечно же неизбежно привлек к себе внимание, ибо в зале находились и другие драконы. В воздух тут же взвился десяток дракончиков и закружился вокруг советника, пытаясь рассмотреть новичка.

Кэт с интересом поглядывала на сородичей, но с рук советника спускаться не спешила. Впрочем, возбужденных драконов мигом уgomонили подоспевшие хозяева, зато Регди мигом взяли в оборот сразу четыре весьма настойчивые леди.

– О, советник, вы все же решили завести себе фамильяра?! Какая прелесть! Ну отпустите же ее, вашей малышке наверняка хочется познакомиться с другими драконами.

Кэт особого желанья знакомиться с сородичами не проявляла, однако Ингельд опустил ее на пол. Дракона быстро осмотрелась и осталась на месте, постаравшись держаться по возможности ближе к его ногам.

– И как же зовут это чудное создание? – Леди не собирались так быстро оставлять свою добычу.

– Позвольте представить вам, дамы, моего фамильяра, это Кэт.

Поименованное чудо шаркнуло лапкой, чуть присело, расправляя крылья. Получился некий своеобразный драконий книксен. Леди умилились и преисполнились восторгом.

– Какая лапочка!

– Какая умничка!

– Красавица!

Советник стоически терпел этот щебет. Кэт и вовсе, ощутив угрозу быть немедленно затисканной, проворно нырнула ему за спину, оттуда с опаской наблюдая за пылко восторгающимися леди. За несколько минут советнику задали тысячу и один вопрос, он пытался ответить хотя бы на один из пяти, пока не засыпали новыми. Одно в этом было хорошо: именно эти леди наилучшим образом подходили для того, чтобы запустить при дворе легенду о карточном долге и отданном в счет этого долга фамильяре. Если даже он упустит какие-либо детали, то леди и сами их додумают, будучи уверенными при этом, что все и впрямь было именно так.

Разговор этот затянулся, Регди был бы и рад ретироваться, да вот только достойного повода откланяться не находилось. К счастью, от страшной участи быть заговоренным насмерть его спас вовремя появившийся Асмунд.

– Покорнейше прошу прощения, милые леди, но я украду на время вашего собеседника. – Граф подарил дамам свою самую обаятельнейшую улыбку.

Отведя советника в один из безлюдных уголков, он тут же посерьезнел, мгновенно утратив веселость и легкость, за которую его обожали все придворные дамы.

– Ингельд, береги своего дракона. Глаз не спускай.

– Ас, в чем дело? – Советник нахмурился, недоумевая, к чему такое напоминание. Он и так осознавал, что дракон – существо крайне ценное.

– Я выяснил, что за последние две недели в столице украли нескольких фамильяров.

– Разве это случилось в первый раз? – удивился Регди. – Фамильяров похищают время от времени, все же они достаточно дорогие.

– Да, но один из пострадавших вскорости после этого умер от проклятия. А значит, фамильяр мертв или кто-то смог разорвать связь. Какого уровня маг для этого нужен, надеюсь, объяснять не требуется? К тому же такие совпадения... Будь осторожен.

– Спасибо за предупреждение, – озабоченно поблагодарил друга советник.

Посещение дворца произвело на меня удручающее впечатление. Нет, сам дворец был великолепен, а фонтан меня просто заморозил. Конечно, нечто подобное я видела и дома, помню, однажды ездила в Кисловодск отдыхать, и там был танцующий фонтан. Его подсвеченные разноцветными прожекторами струи поднимались и опадали под звуки музыки в опускающихся на город сумерках. Помнится, тогда я очень долго стояла и смотрела на эту завораживающую красоту. Не ожидала увидеть и здесь что-то хотя бы отдаленно похожее. Никак не могу уловить, что же в этом мире за уровень развития. С одной стороны – кареты, и аристократы, и даже мечи (я не поленилась потрогать висящие на боку Ингельда ножны), а с другой – фонтан и вполне современное освещение дворца. Пресловутая магия?

Однако же люди, собравшиеся в ярко освещенном бальном зале, ничем мою фантазию не поразили. Дамы в платьях с широкими юбками и глубокими декольте, мужчины в шитых золотом и серебром камзолах. Парча, бархат, шелк. Кто хоть раз смотрел исторические фильмы или о тех же мушкетерах, подобным нарядам не удивится, хотя на первый взгляд местная мода имела лишь отдаленное сходство с нашим Средневековьем. Кстати, многие мужчины в зале имели оружие, богато изукрашенное драгоценными камнями. Преобладали короткие мечи, однако же имелись и шпаги. Сильно и не слишком приятно пахло смесью разных благовоний и духов. Нет, все же с нашим Средневековьем этот мир можно сравнить лишь отдаленно, что, впрочем, неудивительно. Я бы скорее пришла в недоумение, если бы обнаружилось близкое сходство. Но это вряд ли могло бы меня хоть как-то огорчить.

Удручающее впечатление произвела попытка общения с так называемыми сородичами. В первый момент еще была какая-то надежда. Они разговаривали, и я их понимала! Сперва, впрочем, они не столько даже разговаривали, сколько бестолково галдели, кружа разноцветной стаей вокруг нас с Ингельдом, однако некоторые слова в этом шуме можно было различить. Все же я не спешила так вот сразу знакомиться с сородичами. Незнакомые драконы вызвали некоторую опаску, к тому же все они были значительно крупнее меня. Если я размером с не слишком упитанную кошку – не считая крыльев, составляющих практически половину объемов тела, – то взрослые драконы оказались примерно схожи по размерам с крупным псом. Было тревожно, но, когда Ингельд отошел в сторонку с блондином, который приходил утром, я все же решилась вступить в контакт с сородичами. Рано или поздно придется, как ни хотелось оттянуть этот момент.

Меня обступили тесным кружком, с любопытством рассматривая. Драконы были разными, ярких расцветок, мне даже показалось сначала, что в их окрасе присутствуют все существующие цвета и их сочетания. Но, немного присмотревшись и привыкнув, поняла, что это не совсем так. Количество цветовых сочетаний и оттенков, наверное, и впрямь могло быть бесконечным, но вот базовых цветов было, кажется, не так уж много: вся радуга и черный с белым. Например, был такой же алый, как и я, самец, но переходы цвета у него не в черный, а почти в оранжевый.

Драконы принюхивались и присматривались, я тоже. Они пахли приятно, но странно, словно чего-то ощутимо важного не хватало.

- Новенькая, пугливая, – тараторил кто-то.
- Маленькая совсем, только вылупилась.
- Тебя как зовут?

Я несколько растерялась, пытаюсь отвечать на сыплющиеся со всех сторон вопросы и понять, что в этих драконах кажется мне странным. И вдруг меня осенило: когда черный с серебром самец подобрался ко мне со спины и по-хулигански дернул за хвост, я внезапно поняла, что не так! Они ведут себя как дети: взрослые драконы подпрыгивают на месте от нетерпения и любопытства, сыплют разными вопросами, как любознательные детишки, и тянут новичка за хвост.

Мне стало очень не по себе, я еще не совсем поняла почему, однако остро захотелось вырваться из кольца любопытных драконов и убежать. Находиться рядом с ними было просто тяжело. Хвост почему-то прижался к брюшку, а крылья, наоборот, поднялись, почти соединившись за спиной и развернув крыльевой коготь вперед, в атакующую позицию. Я и не знала, что эти когти способны поворачиваться!

Драконы растерянно переглянулись и попятились.

– Ну ты чего? Дикая какая-то! – обиженно сказал кто-то из драконов.

Я нашла взглядом Ингельда и, стремительно взлетев, почти через весь зал полетела к нему, отчаянно работая крыльями. Молнией пронеслась над головами людей и плюхнулась прямым на руки слегка опешившему мужчине.

– Кэт, что случилось? Кто тебя напугал?

Глупый вопрос, как будто я могу на него ответить! Тем более что ответа я сама не знаю. Чем меня напугали драконы, ведущие себя как любопытные детишки? Наверное, дело в том, что я до самого последнего момента надеялась на их разумность. Нет, не так. Я очень хотела верить, что драконы – полноценная разумная раса, не хуже людей, просто иная. Не верю, что обычный, к тому же не слишком крупный зверек способен уместить в себя человеческий разум. И вот ожидания почти оправдались, но только почти – драконы не превзошли в своем развитии пяти-, максимум восьмилетних детей. Огромное разочарование! Я не знаю, удастся ли мне вернуться когда-нибудь в свой мир, но если нет, страшно даже представить, что я навсегда останусь в мире, где существа одного со мной вида – вечные дети. Это же просто ужас! Никакого полноценного общения, никакой личной жизни (брр, неужели я всерьез думаю о таком?) – до конца своих дней быть лишь полезным домашним питомцем?..

– Не бойся, – Ингельд почесал меня между рожками, – тебя здесь никто не обидит.

Ох, если бы дело было в этом! Но с рук мужчины я больше не спускалась, напряженно обдумывая ситуацию. Сама себя обманула, с чего я вообще решила, что разумные существа согласятся с ролью домашних животных? Ну пусть весьма ценных фамильяров, а не просто домашних животных, все равно для любого разумного существа это унижительно. Однако и местные драконы не совсем животные, вечный детский сад, да. Но вот вопрос: развились они так за счет постоянной связи с людьми или же, наоборот, именно поэтому деградировали? Существуют еще и дикие драконы, какие они? Узнать бы. Но кто же меня отпустит?

Гм, а с чего я взяла, что эти драконы не дикие? Покопавшись в памяти, сообразила: Ингельд, разговаривая утром с блондином, мельком упоминал что-то о питомниках и почему-то не хотел говорить другу правду о том, где меня купил. Значит, что? Значит, купил нелегально. Браконьерство. Но ведь не может быть, чтобы я была одна такая! Браконьерство – выгодное дело, должны быть и другие дикие драконы. Только как же их отличить от домашних? Еще не знаю как, но обязательно постараюсь найти. Для сравнения. Вероятно, меня ждет большое разочарование, скорее всего, дикие даже глупей домашних, но я обязательно должна убедиться в этом лично.

Да и вообще, не мешало бы побольше узнать. Для общего развития. А для этого опять же нужно выучить язык и местную грамоту. Ну замкнутый круг! Ладно, будем считать это долгосрочными планами, если мне, конечно, не повезет проснуться раньше.

Еще немного походив по залу и пообщавшись с разными людьми, Ингельд решил, что пора удалиться. Я смогла вновь полюбоваться на разноцветный фонтан, мужчина, явно потакая моим желанием, задержался там на несколько коротких минут. А затем мы вышли на дворцовую площадь и с удивлением обнаружили отсутствие нашей кареты. Это было очень странно. Могу понять, что на моей родине угон машины – дело обычное, но угонять карету с кучером с площади перед дворцом, где довольно много людей и охрана поблизости, по меньшей мере странно.

Ингельд пробормотал что-то нелicenseприятное в отношении мелочных мстителей и пошел разыскивать карету. Если я правильно поняла его короткое, но не вполне цензурное высказывание, некие недоброжелатели намеренно перегнали нашу карету, стремясь сделать мелкую гадость. Только кучер-то куда делся? Впрочем, простой слуга вряд ли мог возразить какому-нибудь графу, если тот прикажет убраться прочь, пожелав занять именно это место. Ингельд ведь не приказывал ему оставаться на месте несмотря ни на что.

Карета обнаружилась едва ли не на другом конце площади, там, куда почти не доставал свет фонарей. К тому же она была наполовину загнана в узкий проулок между домами, и у меня возникло подозрение, что вытащить оттуда наш транспорт будет непросто. Кучера в пределах досягаемости не наблюдалось. Кто-то хотел основательно испортить Ингельду вечер. И отчего мне так тревожно?

Ингельд скептически посмотрел на карету, обернулся на сверкающий огнями дворец, словно сомневаясь, стоит ли пытаться в одиночку вытащить транспорт из проулка, или все же позвать кого-то на помощь. Лучше бы он так и сделал, не знаю уж отчего, но эта карета меня нервирует. И лошади странно тихо себя ведут, заснули они в этом проулке, что ли? Да и как их туда загнали?

В узкой щели между каретой и стеной дома вдруг обозначилось смутное движение. А затем оттуда вылетело что-то странное, похожее на светящийся желтым светом мыльный пузырь размером с футбольный мяч, и понеслось прямо на нас. Я в панике сорвалась с рук мужчины, все мои инстинкты кричали о том, что с *этим* лучше не сталкиваться. Вот только скорость у странного шара была не меньше моей, а расстояние между нами совсем маленьким. Пузырь лопнул, обдав кожу кипятком. Яростно закричав, я заложила сумасшедший вираж и нырнула в темноту проулка, где смутно просматривался человеческий силуэт. Он убежал, но от отчаянно храброго с перепугу дракона не убежишь, я рухнула сверху, вцепляясь когтями в лицо. Человек вскрикнул, скидывая с себя мое легкое тельце. Столкновения со стеной я каким-то чудом успела избежать и даже приземлилась почти без потерь, лишь чуть подвернув лапу. Ингельд только-только успел протиснуться в узкую щель между каретой и домом, держа в руках свой декоративный меч.

Только сейчас сообразив, что все это безумие уложилось в считанные мгновения, я почувствовала, как же все болит и голова тяжелая. Глаза медленно закрылись...

И почти без перехода открылись вновь. Глянцево отблескивающий белой краской потолок над головой, пыльный плафон. Почти минута понадобилась на то, чтобы осознать, что же я вижу. В поле зрения внезапно возникает морщинистое лицо, седые, подкрашенные хной волосы, прикрытые белой шапочкой, морщинистая рука в белом рукаве, тянущаяся к чему-то над моей головой.

– Ты меня слышишь, милая? погоди, сейчас доктора позову.

Веки, невыносимо тяжелые, медленно опускаются, как я ни старалась удержать глаза открытыми хотя бы один лишний миг. Они все же закрылись, несмотря на отчаянное сопротивление.

Советник нервно покосился на закрытую дверь – пожалуй, впервые в жизни не в состоянии принять нужное решение. Что сейчас важнее: дождаться вердикта целителя или же пойти поговорить с Асмундом? Ему сказали, что лечение будет длиться не меньше часа, и настоятельно просили не мешать, но и Асмунд не будет его так долго дожидаться. У начальника тайной стражи и без того работы достаточно, поговорить обо всем можно и завтра. Но и хотелось быть в курсе дела уже сейчас, Ас наверняка уже успел доложить о происшествии королю и получить какие-то указания.

Регди сердито тряхнул головой, поймал пробежавшую мимо служанку и, приказав немедленно доложить, как только целитель закончит свою работу, отправился беседовать с графом. Асмунд ждал в малой гостиной, как всегда, пил вино, как всегда, абсолютно не пьянел. Для советника оставалось загадкой, каким образом Асмунду при таком неумеренном употреблении алкоголя удавалось не только сохранять ясную голову, но и не спиться до сих пор. Наверняка штатный маг тайной стражи поработал, или же это какой-то редкий амулет. Регди уже не в первый раз мельком подумал, что надо бы вытрясти из друга этот секрет, глядишь, и самому пригодится.

– Ну что там? – первое, что спросил граф.

– Целитель работает, – лаконично уведомил советник, вздохнул и налил себе вина.

Рассеянно полюбовался на то, как лучики света играют в гранях хрустального бокала, как блики этого света скользят по золотистой жидкости. Это должно было помочь собраться с мыслями, однако мысли собираться категорически не желали. Советник чувствовал лишь раздражение от всего происходящего.

– Кто-то сильно заинтересован в твоей смерти, – заметил граф. – Что возвращает нас к вопросу о том, кому ты перешел дорогу. Самое время вспомнить, облегчи мне работу.

– Я об этом уже думал. – Регди пригубил вино и, поморщившись, отставил бокал в сторону, сейчас он предпочел бы что-то покрепче. – Дорогу я перешел многим и знаю слишком много. Даже больше, чем мне официально положено.

Да, чужих тайн советник знал, пожалуй, явно больше, чем положено человеку, желающему прожить спокойную и долгую жизнь, посему оправить его к праотцам желали многие. Началось все это довольно давно, когда три юных отпрыска знатных, но не слишком богатых родов увлеклись играми в шпионов. Юноши были по-своему талантливы и очень скоро сообразили, что чужие тайны не только удовлетворяют любопытство, но и приносят неплохой доход. Со временем все трое значительно улучшили благосостояние своих семей и приобрели немалое влияние. Однажды едва не заигрались, ввязавшись в весьма неприятно пахнущую историю. Урок наглядно продемонстрировал трем выскочкам, что охотиться за чужими тайнами не только выгодно, но и крайне опасно. А также что доверять не следует никому, даже тем, кого ты считаешь самым близким человеком. Познавательный опыт, болезненный, но крайне полезный.

Заняв высокие должности при дворе, они вовсе не прекратили свою не вполне законную деятельность, напротив, не стесняясь использовать служебное положение, развили обширную шпионскую сеть. В придворном политическом болоте, наполненном шантажом,

интригами и заговорами, информация всегда в цене. И платят за нее не только деньгами. Услуга иной раз может стоить куда дороже.

Но в данный момент Ингельд понятия не имел, в чем причина покушений. Врагов у него было более чем достаточно, однако в равной степени причина могла быть как в его должности советника, где он успел нажать немало недоброжелателей, так и в прочей... деятельности.

– Врагов у меня более чем достаточно, – повторил свою мысль Регди, выныривая из размышлений.

– И ты не устаешь наживать их еще больше, – не преминул уколоть граф. – Взять того же барона Эттера. Какой демон тебя тогда за язык тянул, скажи на милость? Зачем ты назвал эту мстительную сволочь лизоблюдом и подхалимом в присутствии его величества? Мне пришлось опуститься до гнусного шантажа, чтобы заставить это ничтожество отказаться от мести! Ты мог бы и сам этим заняться, это, в конце концов, твой враг.

– Еще скажи, что он на самом деле не подхалим и лизоблюд, – поморщился советник. – И его величество прекрасно об этом осведомлен. Было бы странно, ответь я на его вопрос как-то иначе. У меня работа такая – правду говорить.

– Не умеешь ты быть дипломатом, – насмешливо заметил граф.

Регди очень внимательно посмотрел на друга, словно спрашивая, долго ли еще тот намерен заговаривать ему зубы.

– Что? – Асмунд, как всегда не желая выдавать всю информацию сразу, предпочитал для начала слегка потрепать нервы собеседнику.

Советник на подобные провокации уже давно не поддавался. Однако Асмунд до сих пор не оставлял попыток вывести друга из себя. Регди не без оснований подозревал, что граф тренировал на нем свою язвительность и актерское мастерство. Ну и в конце концов, кто еще станет терпеть его скверные шутки, кроме лучшего друга? Однако в данный момент советник был совершенно не расположен потакать Лайру в его развлечениях. Сейчас ему хотелось лишь выпить рюмку коньяка, закурить любимую трубку и немного подумать в одиночестве.

– Ты зануда, Ингельд, – сдался граф под тяжелым взглядом друга, – совершенно лишенный чувства юмора. Ладно, рассказываю по порядку: твоя Кэт разодрала нападавшему лицо, моим ищейкам лишь оставалось пойти по следу крови, его взяли довольно быстро. Как я и предполагал, нападавший не маг, а наемник с одноразовым амулетом. Отогнать твою карету и усыпить лошадей ему помогали двое лихих ребят, эти ничего не знают, делали то, за что им заплатили. Их уже тоже взяли. Убийцу нанимали через посредника, но, готов спорить на свой фамильный меч, цепочка окажется гораздо длинней. Такие новости на данный момент. – Граф словно невзначай коснулся уха, где, как знал Ингельд, прятался маленький гвоздик зачарованной серьги.

Впрочем, серьга у него была также и в губе, однако маленькую металлическую точку рассмотреть там было непросто. Хитрое устройство связи, изготавливаемое штатным магом тайной стражи, представляло собой микрофон с наушником, и начальник сей достойной организации, даже находясь на другом конце страны, в курсе того, чем занимаются его подчиненные.

Советник понимающе кивнул. Что ж, он и не ожидал каких-либо существенных новостей так быстро, но быть в курсе дела следовало. А обо всех подробностях, которые Асмунд сочтет нужным ему поведать, можно будет узнать и завтра. Осталось лишь выяснить, что сказал по поводу произошедшего покушения его величество, ведь Ас наверняка доложил

ему о происшествии сразу же.

– К тебе будет приставлена охрана, – уведомил граф. – И не делай такое кислое лицо, это приказ его величества, и на этот раз я с ним полностью согласен. На данный момент ты единственный оставшийся в живых свидетель, о котором нам известно.

– Свидетель чего?

– Вот это и необходимо выяснить. Пока ясно лишь то, что кто-то успешно убивает дворян, приближенных к трону. И это, согласишься, мало соотносится с личной мстостью кого-то из твоих врагов. Ты единственный из всех, кто пока выжил... тех, кого медленно убивает проклятие, уже можно сбросить со счетов. Я намерен ловить злоумышленников на твою ценную персону. Ясно?

Советнику было ясно одно: в ближайшее время ему предстоит играть роль наживки, хочет он того или нет. Особо ценной и тщательно охраняемой, ибо за провал дела король с Аса голову снимет, но тем не менее наживки. Асмунд встал на след, и сдвинуть его с этого следа не в силах даже горная лавина.

– Охрана так охрана, – вынужденно согласился Регди.

– Не беспокойся, я подберу надежных людей, даже твоя паранойя не сможет к ним придраться. А охрана тебе давно по статусу положена, теперь всего лишь повода отказаться не осталось.

На этом их разговор и завершился. Служанка, которую советник оставил дожидаться завершения работы целителя, сообщила, что тот закончил. Регди поспешил попрощаться с графом и перехватил целителя, только-только выходящего из комнаты. По его заверениям, с Кэт все было в порядке. Магический удар и последовавшая за ним потеря сознания обошлись без каких-либо серьезных проблем. Присущий драконам в той или иной степени иммунитет к магии у Кэт оказался достаточно высок и уберег от большей части негативных последствий столкновения с заклинанием. Остальное поправил целитель, но он все же порекомендовал пациентке в ближайшие дни покой и интенсивное питание. Советник ощутил изрядное облегчение. Пожалуй, потеря фамильяра *сейчас* могла бы стать для него фатальной.

На столицу опустилась ночь, закончился еще один длинный и беспокойный день. Ингельд, стоя у окна и задумчиво наблюдая, как один за другим затухают огни засыпающего города, медленно пил коньяк из пузатого бокала и курил трубку. Мысли в голове ворочались ленивые и неторопливые. Советник докурил, выбил трубку и, раздевшись, лег в постель. «Полчаса на то, чтобы подумать, – сказал он сам себе, – и спать».

Край покрывала, свисающий с постели, тихо зашуршал, а спустя какое-то время на постель залезла поникшая Кэт, волоча за собой опущенные крылья. Забралась на грудь мужчины, блеснув в темноте грустными глазами.

– Что-то ты приуныла, малышка. – Советник почесал ее между рожками. И вдруг, поддавшись внезапно пришедшей в голову мысли, спросил: – Рассказать тебе о том, что происходит?

Кэт заинтересованно наклонила голову, и он принялся рассказывать все с самого начала, с непонятно откуда взявшегося проклятия, лихорадочных поисков и срочной покупки фамильяра у браконьеров. Все детали этого странного дела. О нет, ему вовсе не хотелось выговориться, однако советник знал одну простую истину: когда рассказываешь или объясняешь что-то другим, сам невольно структурируешь информацию и начинаешь понимать гораздо больше, чем раньше. Регди не раз пользовался этим приемом, но в то же время жизнь научила его тому, что даже с близкими друзьями излишняя откровенность

может дорого обойтись. А дракон... что ж, дракон умеет слушать, живо реагируя на каждое слово, блестя любопытными глазами, недоуменно наклоня голову на непонятные моменты и в нетерпении подергивая хвостом. Великолепный слушатель, который просто не способен никому раскрыть тайны хозяина.

Утром я проснулась неприлично бодрой, особенно учитывая все вчерашние происшествия. И проснулась, между прочим, оттого, что меня придавила тяжелая рука. Мне же Ингельд вчера рассказывал о своих проблемах, да так мы и заснули. А проблемы у него... да и у меня тоже. Наконец-то я узнала, что такое быть фамильяром. Я и впрямь оказалась очень полезной зверушкой, но к тому же еще и накрепко привязанной к своему хозяину. Как выяснилось, с драконом проводится особый ритуал инициации, который связывает его с человеком некой, как я поняла, ментальной связью. Пока еще не совсем ясно, что будет, если я вдруг решу уйти, ведь меня, по сути, никто не удерживает, но Ингельд почему-то ведет себя так, словно это в принципе невозможно.

Впрочем, в данный момент раздумывать обо всем услышанном вчера мне не очень хотелось, успею еще. Как уже говорилось, проснулась я удивительно бодрой, а вместе со мной проснулась неумная жажда деятельности.

Смотрю на беспечно спящего человека. Ну как можно до сих пор спать? Тихо выбираюсь из-под тяжелой руки и осторожно тяну мужчину за ухо. Никакой реакции. Дергаю сильнее, но, вместо того чтобы проснуться, он всего лишь поворачивает голову, прижимая пострадавшее ухо к подушке. Крепкий сон у человека – наверное, совесть чистая. Или ее совсем нет. Так, ладно, я своего все равно добыюсь.

Расправляю крылья, подпрыгиваю повыше и приземляюсь прямо на грудь спящему мужчине.

– Ох! Отстань, животное, – отмахивается он. Переворачивается на живот и продолжает спать.

Нет, ну ты от меня так легко не отделаешься! Взлетаю на небольшую высоту и падаю ему на спину.

Ингельд со стоном перевернулся, посмотрел на меня сердито.

– Ну зачем ты меня будила... в такую рань?

И правда, зачем? Да просто я уже такая бодрая, а он спит! Как можно спать в такое хорошее утро? Почему, кстати, все так замечательно? Вчера было так скверно, даже после того, как целитель что-то со мной сделал и стало легче, все равно во всем теле чувствовалась сильная слабость. Я даже до кровати Ингельда с трудом добралась. А сегодня я такая бодренькая, так и хочется что-нибудь натворить! Впрочем, стоит ли удивляться? Выспалась, отдохнула.

– Ну и? Зачем ты меня разбудила? И чего скачешь? Целитель, между прочим, рекомендовал постельный режим, что значит – сидеть тихо и не прыгать.

Я бодро помахала крыльями, демонстрируя, что постельный режим мне совсем не нужен. Что-то этот целитель напутал. Да и вообще, мне скучно. Ингельд, в конце концов, считает себя моим хозяином, вот пусть и выполняет свои хозяйские обязанности. Занимается моим воспитанием или образованием, в принципе и то, и то – важно. Надо же нам начать получше узнавать друг друга, в свете вчерашних откровений это становится особо актуальным. Мы связаны... что это значит для меня? Нет, правильной спросить: что это меняет для меня? Эти сведения мне нужны, чтобы понять, как вести себя дальше. Шанс вернуться в свой мир есть, я это поняла вчера. Но... когда и как?

– Ну и чего ты хочешь? – спросил Ингельд.

Собственно говоря, чего я хочу на данный момент, мне совершенно ясно: я хочу получить как можно более полную информацию о драконах. И получить ее можно пока что только с помощью одного-единственного человека. Но вот вопрос: как ему объяснить это? Что ж, разыгрываю сложную пантомиму с перелетами в кабинет и тыканьем лапой в книжные полки. Пришлось изрядно потрудиться, пока мужчина наконец соизволил нехотя выбраться из постели, а затем, поняв, что от него требуется, начал по порядку читать названия книг, медленно водя пальцем по их корешкам.

Большинство названий мне ни о чем не говорили. Скажем, как понять по названию «Жаркие страны Сарвомата», что это такое – приключенческий роман или географический справочник? Или вот «Истории сэра Роуэльда» – автобиография, рыцарский роман? К счастью, среди всего этого изобилия нашлась книга под названием «Фамильяры и особенности их воспитания». Надо полагать, как раз то, что мне и нужно.

Ингельд скептически посмотрел на книгу в руках, на нетерпеливо подпрыгивающую на столе меня (веду себя совсем как ребенок) и обреченно вздохнул.

– Хорошо, но не больше часа. Не понимаю, зачем фамильяру пособие по воспитанию фамильяров же.

Ингельд читал мне вслух, а я заглядывала ему через руку, рассматривая великолепные иллюстрации. Незнакомый художник любовно и аккуратно рисовал драконов в разных позах и разных ситуациях, смотреть было очень интересно. Впрочем, я не забывала и слушать, не задумываясь пробегая взглядом по строчкам знакомых букв.

Конечно же научиться читать таким образом было невозможно. Однако в какой-то момент я с изумлением осознала, что могу распознать некоторые слова. Не поверила сама себе, указала на слово, которое мне показалось понятным, знаками объяснила Ингельду, чтобы прочитал еще раз. И очень удивилась – я и впрямь угадала. Совпадение? Но повторные эксперименты доказали, что это вовсе не совпадение, в процессе чтения я каким-то образом смогла понять, что означают некоторые слова, и даже запомнила несколько букв.

Я села на хвост и озадаченно почесала сама себя между рожек. Это эффект той самой ментальной связи? Ведь такое происходит и с языком: когда я нахожусь рядом с Ингельдом, то понимаю отдельные слова его собеседников. В то же время без него я ничего не понимаю, проверено вчера на кухне.

В книге, в которой, к слову, оказалось довольно много интересной и полезной информации, написано, что ментальная связь между человеком и фамильяром образуется сразу после проведения обряда инициации. Каковой весьма прост. Ингельд, видимо, провел этот обряд сразу, как только принес меня домой, после того памятного приступа. Впрочем, это сейчас уже совершенно неважно, гораздо важнее, что еще написано в этой поистине полезной книге. А написано там много интересного, в том числе и про ментальную связь. Как оказалось, эта связь может развиваться до такой степени, что позволит фамильяру телепатически общаться с человеком, однако подобных случаев было зафиксировано всего лишь три за всю историю симбиоза драконов с людьми. А местные ученые считали это именно симбиозом, к тому же они полагали, что драконы обрели некое подобие разума только благодаря ментальной связи, обычно она проявляется на эмоциональном уровне, в большей обучаемости драконов и улучшении памяти.

Ну, допустим, это действительно так, я имею в виду разум драконов. Связь с человеком служит своеобразным костылем. Но тогда они должны уметь из поколения в поколение, развиваться, а в книге четко написано, что все обстоит с точностью до наоборот. Через

несколько поколений драконы теряют свои особые свойства и глупеют. С особыми свойствами более-менее объяснимо, вероятно, в Заповеднике, где они рождаются (не пора ли уже говорить «мы»?), присутствует какой-то особый фактор, наделяющий драконов присущей им магией. Но разум-то тут при чем? Он должен развиваться в контакте с людьми, но этого не происходит. Что-то тут не сходится. Не понимаю.

Ладно, мало сведений, чтобы понять, нужно добывать информацию. А вот с обучением языку и грамоте, кажется, начинает что-то проясняться. Мой мозг не нужно подтягивать до уровня возникновения разума, и все ресурсы идут на другие нужды: улучшение памяти, более быстрое обучение языку. Хорошая теория, имеет право на жизнь. Но так же вероятно, что все дело в моем теле, которое, по сути, принадлежит ребенку и способно усваивать большое количество информации в короткие сроки.

А в книге рекомендуют человеку постоянно взаимодействовать с драконом, общаться, воспитывать. В целом просто проводить больше времени вместе, это способствует укреплению ментальной связи, которая теоретически должна приносить большую пользу обоим. Правда, с пользой именно для драконов все пока еще очень туманно. Но я разберусь.

– Все. – Ингельд захлопнул книгу.

Я вздрогнула. Надо же, как задумалась, даже пару последних страниц пропустила. Впрочем, не страшно, память у меня теперь и впрямь очень хорошая. Следовательно, при необходимости все, что нужно, вспомню.

А после завтрака, первого нашего совместного (мне выделили специальное место и даже поставили что-то похожее на детский стульчик с очень длинными ножками, но без спинки), так вот, после завтрака в доме появился весьма странный молодой человек. О его приходе, как всегда, доложил дворецкий.

Вообще, у меня на родине этот молодой человек вовсе не показался бы странным. Бледнокожий и веснушчатый, с рыжими, скорее даже медными волосами, завязанными в небрежный пушистый хвост на затылке, и глазами болотного цвета. А также с длинной серебряной серьгой в ухе и пирсингом в губе. Вот последнее меня и удивило, признаться, меньше всего я ожидала встретить в этом сказочном Средневековье подобную моду.

Ингельд отнесся к этому молодому человеку вполне серьезно, на нестандартные украшения внимания не обратил, из чего можно сделать вывод, что здесь они вполне заурядны. По нескольким фразам Ингельда я предположила, что это телохранитель. К тому же охранять он будет не только «хозяина», но и меня. Такое требование выставил Ингельд. Я ожидала, что телохранитель каким-нибудь образом выкажет свое недовольство, все же, какой бы важной зверушкой ни являлся фамильяр, у меня в голове не укладывалось, что ко мне можно относиться *настолько* серьезно. Все равно что кошку охранять. Оказалось – можно, я сильно недооценила влияние драконов на здешнее общество.

Телохранитель воспринял дополнительное требование спокойно и даже предпринял попытку познакомиться. Ответственный человек, но он всерьез думает, что я смогу ответить, как меня зовут? Ах не думает, ответить должен был Ингельд, это, видимо, дань вежливости. Но протянутую для знакомства руку я все-таки понюхала. Приятный запах, этот парень мне нравится, от его рук пахнет молоком и железом. А зовут его Бьёрн, что означает медведь.

Не похож этот рыжий на медведя, на лиса, вопреки рыжему колеру, тоже. Любопытно, как ответственно он ко всему относится. Вон как отрекомендовался, с переводом имени. Удивительно серьезный парень, и железом от него не зря так сильно пахнет. Я заинтересованно сунула лапу в рукав протянутой для знакомства руки, меня тут же

насмешливо щелкнули по носу и продемонстрировали остро заточенную штуку, больше похожую на граненое шило с ручкой. Чего и следовало ожидать, у него, наверное, под одеждой и другого железа спрятано немало.

Ингельд наблюдал за нашими действиями с интересом.

– Познакомились? Сейчас мы едем во дворец.

И мы отправились во дворец. Сегодня там все было иначе: фонтан уже не светился всеми цветами радуги, потухли освещающие дворец огни, и на площади не было множества карет. Он уже не выглядел таким праздничным и нарядным, как вчерашним вечером, люди деловито суетились, занимались чем-то, наверное, важным с озабоченными лицами, а не гуляли по парку или танцевали на балу. Надо же, я всегда считала, что королевский дворец – это такое место, где всегда найдутся те, кто ничего не делает, а лишь предается развлечениям. Вероятно, тут бездельничать с утра не принято, либо же здешний король не любит бездельников. Сейчас дворец больше напоминал некое серьезное учреждение, полное разнообразных, очень занятых чиновников. Впрочем, по сути, именно им он и являлся.

У Ингельда здесь, оказывается, был свой кабинет с двумя секретарями, что примечательно, оба мужчины. Видимо, принимать на эту работу женщин в данном мире не принято. Вероятно, не дошли еще до такой прогрессивной идеи, что леди должны работать наравне с мужчинами.

Пока Ингельд вместе со своими помощниками занимался каким-то отчетом, подготавливая его для короля, мы с Бьёрном откровенно заскучали. Охраны во дворце и так немало, оба подопечных у телохранителя на глазах. От нечего делать мы начали играть в крестики-нолики, рыжий научился быстро – с третьего раза сообразил, между прочим, это действительно быстро, учитывая, что объяснить идею мне пришлось исключительно жестами. И играл с таким же серьезным выражением лица, с каким, кажется, делал все, за что брался. Вот только за испорченный стул нам слегка влетело, дальше играли выданным одним из секретарей мелком. Впрочем, и стул-то мы не сильно испортили, не совсем глупые, перевернули сначала, да и поцарапали совсем немного. Вообще-то я не ожидала, что Бьёрн так легко согласится на откровенное хулиганство, это была чистой воды провокация. Согласился. Даже не спросил, зачем я стул порчу. И обыгрывал меня два раза из трех!

Мне этот странный рыжий парень определенно нравится. Жаль, что я его не понимаю. И я бы предпочла и дальше играть в крестики-нолики, но Ингельд вынужден был идти на доклад к королю, а я, естественно, с ним. Его величество, оказавшийся представительным мужчиной с умным лицом и ироничными глазами, очень заинтересовался мной. А затем меня познакомили с черным драконом. Ну и самодовольная, наглая морда, по-моему, король бессовестно избаловал ребенка! Надо же как-то воспитывать, от вседозволенности характер портится.

Зачитывая его величеству отчет (весьма нудный, надо заметить, даже по мнению автора сего достойного труда), советник краем глаза старался поглядывать на Кэт и охранника. Те с первых же минут хамски игнорировали Тиля, с которым Кэт пытались познакомиться. Знакомство оказалось коротким, и теперь Бьёрн и Кэт увлеченно играли в какую-то игру, а королевский дракон, избалованный постоянным вниманием, растерянно топтался рядом, пытаясь привлечь это самое внимание, совался под руки, дергал за рукав Бьёрна. Его не прогоняли, но и общаться не спешили.

– Советник, будьте добры, не отвлекайтесь, – укоризненно заметил его величество. Сам

король, впрочем, то и дело посматривал в сторону драконов, ему они тоже были гораздо интересней унылого отчета.

Иной раз Регди недоумевал, зачем его величеству нужны эти отчеты, они ведь, по сути, были ни о чем. Да, советник обязан быть в курсе политической жизни государства, он вообще обязан быть в курсе очень и очень многого, а иначе какой же он советник. Но весьма сложно понять, зачем его величеству понадобилось, чтобы все три советника писали обширные, но абсолютно поверхностные отчеты об этой самой политической жизни. Возможно, для короля это своеобразное развлечение, возможно, проверка профессионализма советников, но необходимость тратить время на эти бессмысленные по своей сути отчеты Регди изрядно раздражала. Он бы предпочел заняться аналитикой, это, по крайней мере, было значительно интересней и не вызывало ощущения напрасно потерянного времени.

Впрочем, после этого началась настоящая работа. Советник попринадлежал на совещании, привычно наградил первого советника парой язвительных замечаний, выступил в роли скептика при обсуждении союзного договора с Ларинией и совершенно искренне охарактеризовал ларинийского посла скользким как угорь, но чрезвычайно умным человеком. На что первый советник не преминул съязвить: «Неужели более скользкий, чем вы, Регди?» Ингельд картинно оскорбился, предложив доказать свои слова в дуэльном круге. Его величество привычно урезонил недолюбливающих друг друга советников. В общем-то совещание было вполне рутинным: обсуждение государственных вопросов, принятие королем решений.

К концу дня советник как-то невзначай вдруг подумал, что в последнее время непростительно пренебрегал личной жизнью. Пора бы и навестить любовницу, пока она не нашла себе более внимательного покровителя. Цепкая и целеустремленная, как захирадская ведьма, Хильда не была дворянкой. Молодая, но тем не менее весьма умная и самостоятельная вдова одного из крупнейших в стране банкиров. После смерти супруга она вопреки сопротивлению родни покойного и бывших партнеров взяла в свои цепкие ручки дело, оставшееся от мужа. Ко всему прочему, чтобы не позволить отобрать у себя наследство под предлогом того, что она слабая женщина и ничего не понимает в банковском деле, Хильда догадалась предложить сотрудничество советнику на тех же условиях, что и покойный супруг. То есть информация и кредиты под малый процент в случае необходимости – в обмен на покровительство и защиту. Саму себя она предложила в качестве приятного бонуса, от которого советник благоразумно не стал отказываться.

Что примечательно, молодая вдова вполне успешно вела дела, приумножая свои капиталы.

Все, решено. Этим вечером он непременно навестит Хильду. Вот только стоило бы подумать, куда на это время пристроить Кэт и телохранителя. Эти двое за день благополучно спелись и без него вряд ли заскучают. Но Регди сильно сомневался, что ему удастся избавиться от их общества так просто.

Инга, баронесса Налит, уже больше часа сидела в приемной, где, кроме нее, не наблюдалось ни одной живой души, и безуспешно пыталась справиться с раздражением. Она чувствовала себя здесь не слишком комфортно, к тому же леди вполне обоснованно подозревала, что ожидание являлось всего лишь проверкой ее выдержки. Очень типичные методы для той организации, с которой она имела неосторожность связаться.

Инга украдкой вздохнула над своей горькой судьбой. Ощущение, что она добровольно

продает себя в рабство, не давало ей покоя уже на протяжении нескольких дней. И, надо сказать, это было не так уж далеко от истины. Тайная стража – это не та организация, в которую легко попасть, уйти оттуда куда сложнее. Тайная стража не занимается всяческими мелочами вроде ограбления ювелирной лавки или отравления заштатного барончика обиженной женой. Тайная стража надзирает за безопасностью короны и всем, что с этим связано. Понятие «безопасность короны» этой организацией трактовалось всегда довольно широко.

Леди прикрыла глаза, вспоминая, с чего все началось. Младшая сестренка заболела полгода назад. Поддалась на лживые посулы некоего беспринципного ловеласа, а подлец, соблазнив наивную глупышку, сбежал, оставив сестренке на память позорную и, что гораздо хуже, трудноизлечимую болезнь. На самом-то деле это была не совсем болезнь, а скорее особое саморазмножающееся проклятие, не смертельное, но со временем основательно уродующее тело заразившегося. Самое опасное заключалось в том, что изначальный обладатель проклятия может довольно долго не знать о том, что он носит в себе подобную заразу, зато всем, кто вступит с ним в близкие отношения, очень не поздоровится. Инге было больно смотреть, как страдает малышка Астрид. Это наивное юное создание, которое маменька в свое время с боем отвоевала у папеньки и, в отличие от Инги, воспитывала как тепличный цветок, оберегая от всех бед и проблем. Может, напрасно оберегала, иначе сестренка не поддалась бы на посулы того подонка. Это Ингу отец воспитывал по-другому – так, как воспитывал бы сына, несмотря даже на то, что маменька пыталась этому сопротивляться изо всех сил. И делал он это вовсе не оттого, что мечтал о сыне – барон Налит любил своих дочерей и даже гордился ими, и эксцентриком он тоже не был. Все куда проще и банальней, но в то же время и сложнее: больше свои знания ему передать было некому, не наградили боги барона с баронессой сыновьями.

Дело было в том, что барон Налит владел особой техникой, позволяющей из слабого мага уровня знахаря сделать сильного боевого. Такой маг получался узкоспециализированным и серьезно ограниченным лишь боевой техникой, однако же имелись и преимущества. Маг, обученный по этой системе, не зависел от мест силы, а значит, был мобилен и никогда не оставался полностью беззащитным, как обычные маги, истощившие свой резерв вдали от места силы. Таких магов, как правило, весьма настойчиво приглашали на государственную службу, в частности, в тайную стражу. Барон Налит в свое время отказался, Инга тоже сопротивлялась как могла, что не слишком хорошо отразилось на благополучии семьи. Их род и без того был небогатым, а после гибели отца стало совсем тяжело. Мать слегла с сердечным приступом, узнав о болезни любимой дочери.

Иной раз Инге начинало казаться, что это злой рок или намеренная травля тайной стражи с целью заставить принять их настойчивые предложения. Таких, как бароны Налит, всегда старались держать под контролем государства, а при любой возможности выведать секреты обучения. И эти секреты еще не утекли на сторону лишь потому, что их, как правило, защищала фамильная магия.

Ситуацию с болезнью сестры нужно было как-то решать. Даже если бы не чувство ответственности за младшую и не искренняя любовь, все равно надо было что-то делать. Если бы о болезни стало известно... какой позор для благородного семейства! Баронесса, словно гулящая девка, подхватила позорную болезнь – немислимо!

Для решения этой проблемы было целых три варианта: найти мага-целителя, достаточно сильного и опытного, чтобы он смог справиться с болезнью. Мага, который

согласится уехать довольно далеко от своего места силы и потом молчать, кого он лечил и от чего. Ах да, и который не побоится иметь дело с семейством Налит, имея в виду, как бы его, обессиленного после столь сложного лечения, просто не убили. Такие тайны среди аристократов принято хоронить глубоко и надежно.

Второй вариант мог бы решить все проблемы разом: вылечить Астрид, предотвратить возможность заболеть снова, да и сохранить в тайне позорное для семьи происшествие тоже. Всего лишь найти фамильяра. Однако через официальные питомники это сделать было практически невозможно. Ибо очередь огромна и на не вылупившихся еще дракончиков претендуют куда более богатые и влиятельные семьи.

Третий вариант Инге не нравился особенно, тогда еще она считала, что примет настойчивые предложения работать на тайную стражу лишь в самом крайнем случае. Хотя уж здесь-то и могли легко найти нужного мага и скрыть всю эту неприглядную историю. И даже разыскать того подонка, что едва не сломал жизнь Астрид, если бы Инга поставила такое условие.

Она выбрала вариант с фамильяром. Чего ей стоило выйти на браконьеров, собрать все сбережения семьи и влезть в долги, чтобы найти для сестры дракончика! И казалось, все получилось, она даже успела увидеть это маленькое испуганное создание то ли алого, то ли черного цвета, что в полумраке разглядеть было непросто. Все сорвалось в последний момент, всего лишь не хватило денег перекупить дракончика, браконьеры, не предупредив, в последний момент решили устроить аукцион.

Инга до сих пор удивлялась – почему она не убила тогда конкурента? Чудом не сорвалась, остановило лишь понимание того, что убийство дворянина обязательно будет тщательно расследоваться, а, судя по поведению, мужчина не был простоллюдином. Более того, переступив через собственную гордость, она просила его уступить дракона! Но как же она потом ненавидела этого человека, как проклинала его за то, что встал на ее пути, и себя за трусость и нерешительность. И в то же время испытывала некоторое облегчение. Ради любимой сестренки баронесса могла бы пойти на убийство, определенно могла, но никогда бы себе этого потом не простила. К счастью или к сожалению, но на тот момент она еще не дошла до той степени отчаяния, когда человек готов на все.

– Баронесса? – От размышлений ее оторвал строго одетый мужчина. – Проходите, вас ждут.

Инга вошла в кабинет и с некоторым интересом посмотрела на своего будущего начальника, она ожидала увидеть графа Лайра – самого грозного главу тайной стражи – и даже немного разочаровалась, обнаружив за широким письменным столом пожилого седовласого господина.

– Итак, баронесса, все ваши условия были выполнены. Ваша сестра здорова, виконт Залиан арестован за намеренное причинение вреда здоровью нескольким женщинам. Подписывайте договор, леди.

– И чем я буду заниматься в вашей конторе? – Инга лишь пробежалась глазами по договору, без раздумий подписывая его. Все пункты она знала едва ли не наизусть.

– Для начала поработаете телохранителем, насколько нам известно, ваша подготовка вполне позволяет выполнять эти обязанности. У вас будет напарник, на время выполнения этого задания – он ваш непосредственный начальник. Возьмите документы, – мужчина протянул ей папку, – здесь все, что вам нужно знать о человеке, которого вы будете защищать.

Инга вышла из кабинета и, открыв папку, прочла имя, написанное на первой странице.

Ингельд Регди. Третий советник короля.

Ингельд работал, мы с Бьёрном послушно таскались следом. Было скучно. Ладно рыжий, ему по должности положено, да и железную его выдержку и непробиваемую серьезность, казалось, ничто не может поколебать. А вот я чем дальше, тем больше чувствовала себя ненужным балластом.

Мы играли в крестики-нолики, потом в «камень, ножницы, бумага». Хотя Бьёрн, пожалуй, так и не смог до конца вникнуть в суть игры. Что, впрочем, несколько не мешало ему периодически выигрывать и отвешивать мне легкие щелбаны. Вообще-то в эту игру я выигрывала гораздо чаще, исключительно за счет скорости реакции, и щелбанов телохранителю соответственно доставалось больше. Таких же легких. Но он не расстраивался, к этому процессу относясь не менее серьезно, чем ко всему остальному. Поразительный человек, он вообще не способен к проявлению легкомыслия? Если подумать, он ведь и ко мне не должен бы относиться столь серьезно. Ну что тут такого важного – маленький дракон от скуки пытается играть со взрослыми людьми? Да тут таких великое множество. Взять хотя бы того же разбалованного до крайности Тиля. Однако же Бьёрн вел себя так, словно выполнял великую миссию.

Между прочим, Тиль так и продолжал крутиться рядом. Его наше пренебрежение удивляло настолько, что бедолага этим даже возмутиться забыл. Мне его стало немного жаль: этот дракон всего лишь не в меру избалованный ребенок, выросший, но не повзрослевший. Сам он в собственном самодовольстве и заносчивости не так уж и виноват, и в том, что задрал нос при знакомстве со мной, тоже. Он-то, этот вечный ребенок, считает себя взрослым и очень-очень значимым существом, королевский дракон как-никак. Вот только мы с Бьёрном изрядно сбили с него спесь своим равнодушием. Бессовестно не впечатлились важностью персоны, нехорошие создания, и играть с собой не позвали. Он растерялся и слегка обиделся, но в то же время еще сильнее захотел привлечь наше внимание и узнать, во что же такое интересное мы играем, что его в упор не замечаем. Сперва он злился, потом бегал кругами, пытаясь сунуть свой любопытный нос под руки телохранителю, а потом и вовсе начал тихонько и жалобно поскуливать, переминаясь на лапах и возбужденно расправляя крылья.

Я почувствовала себя жестокой мучительницей, заставляющей страдать несчастного ребенка. Самое интересное, что никто и не пытался вмешаться. Даже король лишь изредка посматривал на нас с интересом, но ничего не предпринимал. Здесь вообще довольно интересным образом относятся к драконам, я это уже заметила: люди предоставляют им определенную свободу действий, не вмешиваясь во взаимоотношения. А казалось бы, король вполне мог бы повлиять на меня через Ингельда, и, скорее всего, я бы послушалась, просто потому, что не хотелось подставлять человека, с которым мне, возможно, придется жить бок о бок продолжительное время. Впрочем, издеваться над несчастным драконом я не стала, а то такое ощущение, что он, бедолага, вот-вот заплачет. Что-то уж очень подозрительно глаза у этого черненького блестят, так и кажется, еще немного, и набухнут крупными слезами, которые потекут по темной чешуйчатой мордочке. Кстати, я немного ошиблась: Тиль не совсем черный, скорее черный с темно-синим, такой цвет, который при определенном освещении кажется именно черным, а при другом – синим, как ночное небо.

Тиля мы все же позвали играть, точнее, я позвала, а Бьёрн отнесся к этому с привычной

уже серьезностью. А мне внезапно подумалось, что Тиль вообще-то довольно-таки ценный источник информации: он постоянно находится при короле, и от него вряд ли что-то скрывают. Люди уверены, что драконы не умеют разговаривать, они (пора бы уже научиться говорить «мы») и впрямь не умеют, по-человечески. Зато между собой очень даже неплохо.

– Ты вредная, – обиженно сообщил дракон, безбожно продув в крестики-нолики в третий раз и потирая ушибленный щелбанами лоб. – Почему ты не хочешь со мной дружить?

Ну сущий ребенок, еще немного, и я почувствую себя воспитателем в детском саду.

– Это ты вредный. Думаешь, тут самый важный?

– Я – королевский дракон! – гордо задрало нос это наивное создание. Еще и крылья расправил для внушительности.

– Ну и что? – интересуюсь, смотря на него снизу вверх.

Забавный он в чем-то, будь я человеком, и сама бы не отказалась от такого милого и смышленного питомца. Но сейчас, находясь по другую сторону, чувствую себя даже неудобно, смотря на существо почти в три раза крупнее меня, обладающее непредсказуемым и переменчивым разумом ребенка. Только вот показывать свою неуверенность ни в коем случае нельзя, иначе опять нос задерет. Мне нужна информация о драконах, и получать ее логично именно от драконов.

Дракон ощутимо растерялся. Бедняга, все, к чему он привык, что с детства казалось само собой разумеющимся, вдруг перевернулось с ног на голову. Появляется какая-то малявка, только-только вылупившаяся из яйца, и начинает вести себя непонятно как. И ведь обижать его или по-настоящему ссориться мне нельзя не только потому, что хотелось бы получить информацию, но и потому, что Тиль действительно королевский дракон. Не хотелось бы подставлять Ингельда. Ладно, значит, будем дружить. Что ж еще делать?

Вспомнить бы еще, как нужно с детьми обращаться. Однажды после краткого общения с двоюродными племянниками я пришла к выводу, что детей предпочитаю любить на расстоянии, а сестра – что педагог из меня никудышный. Думаю, она была совершенно права.

– Ладно, – говорю, – я буду с тобой играть, а ты мне расскажешь что-нибудь интересное. Идет?

– А он будет со мной играть? – Тиль кивнул на Бьёрна.

– И он будет, – пообещала я.

Тон, к счастью, был выбран верный, за обещание играть с ним Тиль с энтузиазмом согласился рассказывать мне все, что я захочу. Ну вот и славно, будем полагать, что у меня при дворе появился свой источник информации. Осталось еще выучить местный язык и грамоту – и можно считать, что этот источник появился и у Ингельда. Не решила пока, нужно ли ему это и стану ли я с ним делиться всем, что узнаю, однако как дополнительный козырь в этой непростой жизни пригодится.

Впрочем, прежде чем размышлять, как я распоряжусь добытыми сведениями, следовало бы эти самые сведения получить. На практике это оказалась не такая уж и простая задача, как думалось, начиная с того, что я вообще смутно себе представляла, как общаться с этим беспокойным созданием. Следовало постоянно поддерживать его интерес, чтобы жгучее любопытство не сменилось скукой и столь ценный источник информации не сбежал от меня играть с другими драконами. Ну с этой проблемой я с горем пополам справилась. Однако тут же образовалась другая – выдаваемая Тилем информация страдала некоторой... гм... недостоверностью. Нет, дракон действительно знал многое, и от него ничего не скрывали.

Он не задумываясь мог выдать как государственную тайну, так и информацию о том, что его величество вчера ел на завтрак. Вот только не стоило забывать о его детском разуме, который воспринимал и интерпретировал некоторые события настолько замысловатым образом, что я терялась.

Простой пример: попытка разузнать, какие обязанности при дворе исполняет Ингельд. На что мне простодушно и совершенно искренне было заявлено, что «третий советник говорит всем гадости». На мой ошарашенный вопрос «Всем?» последовал ответ, что да, всем. Даже королю, более того, королю Ингельд говорит гадостей больше всех, ибо таковы его обязанности.

Я села на хвост и озадаченно почесала между рожек, пытаясь стимулировать мыслительный процесс. То ли здешний король страдает легкой формой мазохизма, то ли я чего-то очень сильно не понимаю. Надеюсь, все же второе, потому что первый вариант выглядит несколько удручающе. Если тут король такой... странный, то каков же мой «хозяин», если согласился на эту работу?

Бросила взгляд на Ингельда, который, не стесняясь присутствия короля, в очередной раз «сказал гадость» одному из своих коллег, и, обреченно вздохнув, принялась выяснять у Тиля подробности. Этот трудоемкий процесс чем дальше, тем больше вызывал у меня ощущение легкой сумасшедшинки. Я поняла, что помимо детского разума драконы обладают некой не вполне понятной для человека логикой и мир вокруг воспринимают немного иначе. В рассказе дракона о людях упор всегда делался на запахи и звуки, а не на слова и поступки. В каком-то смысле я могу понять, как от человека может пахнуть обидой или радостью, уже успела убедиться, каким хорошим обонянием обладают драконы, да и читала где-то, что при смене эмоций у человека меняется и запах. Однако одно дело знать, и совсем другое – различать эти эмоции по запаху и уверенно в них ориентироваться. Тиль различал и ориентировался не задумываясь, более того, эти запахи для него были намного понятней мимики или поступков людей. Подозреваю, в мимике он как раз не разобрался совсем.

Но в общем, если немного приспособиться и вникнуть в его логику, вполне можно научиться понимать Тиля. Так что день, несомненно, прошел не бесполезно. Тем более что спустя некоторое время после того, как мы пришли во дворец, Ингельд с королем и своими коллегами ушел на какое-то совещание, продлившееся не один час, и, что интересно, нас с Тилем туда не пустили, как и Бьёрна, что, кстати, менее удивительно – нечего телохранителю знать о государственных делах. Но вот то, что не пустили нас, это в каком-то смысле показательно, я ведь уже успела увериться, что фамильярам в этом мире можно все. Как выяснилось, некоторые ограничения все же имеются.

Как ни странно, но этот незначительный факт вызвал у меня скорее облегчение, чем разочарование. Это было более объяснимо и понятно, чем вседозволенность на грани поклонения. А то я постепенно начала ощущать себя чем-то вроде священной кошки.

В целом день прошел не бесполезно, в итоге я узнала о здешней обстановке достаточно много. Слегка разобралась, кто есть кто и почему. В частности, узнала, что друг, приходивший к Ингельду, не кто иной, как Асмунд, граф Лайр, грозный глава тайной стражи. Название организации несколько даже поэтичное, но, по всей видимости, это самая обыкновенная спецслужба. А с виду этот блондин этакий беспечный гуляка, трудно даже предположить, что он начальник такой непростой организации. Впрочем, с Ингельдом почти та же история. Помучив Тиля расспросами, я все-таки уразумела, что работа моего «хозяина» вовсе не говорить людям гадости. Скорее он тут работает кем-то вроде королевской совести,

ну и остальных вниманием не обделяет. Причем должность эту ввел даже не нынешний король, а его прадед, отличавшийся чрезмерной вспыльчивостью и привычкой решать некоторые государственные вопросы импульсивно и не всегда обдуманно.

Человеком он был умным и о своих недостатках знал, потому-то и ввел должность третьего советника, который и должен был напоминать его величеству в нужный момент, что тот крупно не прав и поступает как круглый дурак. Поскольку должность была опасная – вспыльчивый король и советника мог запросто отправить на плаху за не вовремя сказанное слово, – родился закон, по которому третьего советника нельзя казнить даже по приказу короля в течение десяти дней после этого самого приказа. А советник за эти десять дней имеет право любым способом оправдаться перед королем или же доказать тому, что тот опять-таки не прав и вообще самодур. С предком нынешнего короля такой фокус проходил не единожды, и его советник, тот первый, на этой непростой должности дожил до девяноста лет и благополучно умер от старости в своей постели.

Хорошо, что Тиль знает эту историю, потому что она вышла довольно интересной. Но, возвращаясь к Ингельду, меньше всего я могла представить этого человека на подобной должности. Третий советник традиционно должен быть человеком чести, честным и неподкупным, с безупречной репутацией. Во всяком случае, Тиль именно так и сказал, явно что-то цитируя. Нет, ничего не хочу сказать против Ингельда, я его еще слишком мало знаю. Но что-то мне подсказывает, что человек с подобными характеристиками, узнав о наложенном на него проклятии, должен бы сообщить об этом королю или хотя бы своему другу, начальнику тайной стражи, чтобы тот начал официальное расследование. А вовсе не тайком покупать у браконьеров фамильяра, явно рискуя своей теоретически безупречной репутацией и не только ею, если это незаконно. А это таки очень даже незаконно, судя по реакции Тиля на совершенно невинный вопрос. Он аж на месте подпрыгивал от избытка эмоций, рассказывая, какие нехорошие люди эти браконьеры.

В общем, либо я в здешней жизни опять чего-то основательно не понимаю, либо Ингельд, как и его друг, хороший актер. А вообще, тот еще интриган. И это, пожалуй, хорошо, не верю идеалистам, они опасны для всех, кто оказывается рядом.

Надо все как следует обдумать, проанализировать и решить, какие вопросы в дальнейшем задавать Тиллю. Да и с другими драконами, пожалуй, все же стоит познакомиться, хоть я рядом с ними и чувствую себя единственным взрослым в детском саду, однако они, находясь рядом со своими хозяевами, очень многое слышат и видят. Информация в любом мире – сильное оружие.

Иной раз советника немало удивляло, как настроение его величества зависит от его дракона. Король обожал драконов какой-то просто фантастической любовью, а к своему Тиллю относился, пожалуй, как к родному сыну. Обе юные принцессы и то видели от отца меньше любви и заботы.

Об этой его страсти к драконам знали все, и послы соседних государств, желая задобрить короля, дарили дорогие подарки не ему, а Тиллю. Мало того, если дракону подарок чем-то не приглянется, неудачливый посол вполне мог остаться без королевских милостей. Самые сообразительные старались выбирать подарки не дорогие и изысканные, а именно такие, что могут понравиться дракону.

Ингельд, как и все окружающие, был прекрасно осведомлен об этой слабости короля, однако одергивать Кэт, когда та отказывалась играть с Тилем, не стал. Это выглядело бы как

неприкрытое подхалимство, а его величество подобные вещи замечал быстро и безошибочно. Лучше было оставить все как есть, тем более Кэт оказалась драконочкой сообразительной (в чем Регди уже почти и не сомневался), и после совещания обнаружилось, что она уже вполне успешно общалась с Тилем. Его величество, понаблюдав эту идиллическую картину, заметно подобрел, изволил даже дать несколько советов по воспитанию драконов. Несомненно, полезных советов, что тут говорить, но Ингельда сильно позабавило настроение короля. Очевидно, тот давно не относился к третьему советнику столь благосклонно. Регди на королевские милости не рассчитывал, ненадежная это вещь – королевское настроение.

[Купить полную версию книги](#)